

SURVARIUM

**ОДИН
ИЗ ЛЕСА**

Часть вторая

Часть вторая ТРИ ТОНИКА ДЛЯ ЛЕСНОГО УГЛА

Глава седьмая Слежка. Город и Лес

Мутантов мало не бывает. Даже один, появившийся не вовремя – уже очень много. Я это ощутил на своей шкуре, а вернее, на своем байке, когда юный кабан-горбун с ревом вынесся из придорожных кустов. Не знаю, может, это был родич того, которого мы с Михаилом убили в яме-ловушке? Племянник или там шурин...

Вид быстро катящегося на байке человека привел его в ярость. Я дернулся, байк вильнул. Схватился за оружие, но выстрелить не успел. Земляная дорога была неширокой, с одной стороны заросли, откуда появился зверь, с другой – холмы. Единственное, что я смог сделать: вдавить газ, бросив машину вперед, поэтому кабан врезался не в ее середину, раздавив мне ногу, а в заднюю часть.

Прямо в бак.

Скрежет, хлопок... Байк качается как сумасшедший, я едва удерживаю руль. А вот направление удержать не могу. Машина круто сворачивает, перескочив через неглубокую канаву, мчится вверх по склону. И дорога-то была не очень ровной, а уж склон – вообще сплошные горбы. Поэтому спустя пару секунд я вылетаю из седла и с воплем падаю на мягкую землю.

Хорошо еще, что на мягкую. Были б там камни – тяжело бы пришлось моим коленям, локтям, ребрам и раненой ноге. А еще хорошо, что «вал» так и остался в руках. Мотоцикл свалился в паре метров дальше, я же перекатился на спину и сел. Кабан несся на меня, низко опустив голову и выставив вперед свои многочисленные рога. Из-под копыт взлетала земля с клочьями травы, он оглушительно хрипел.

Я начал стрелять.

Чтобы завалить горбуна, даже такого молодого и некрупного, пришлось выпустить больше десятка пуль. Первые попали в морду, я повел стволом, они пошли вниз, вскользь к шее и впились в отвисшее брюхо. Только это и остановило юного монстра. Мне снова пришлось перекатиться, освобождая дорогу, горбун пробежал мимо и упал возле байка. Скопытился, называется. Поняв это, я вскочил и бросился к мотоциклу, сильно хромя и ругаясь. Боль в ноге проснулась с новой силой.

Остро пахло бензином. Короткий осмотр привел к неутешительному выводу: хотя машина еще на ходу, но бак пробит, большая часть топлива успела вытечь. Промасленная тряпка из багажника, свернутая жгутом и плотно вставленная в дыру, частично решила проблему, но лишь частично. В общем, пока-пока, байк. Еще километр-два протянешь, не больше, топлива в баке осталось всего ничего.

Я отряхнулся и поглядел по сторонам.

Бандиты впереди, за поворотом дороги и холмом, который она огибает. Они пока что недалеко, но уезжают все дальше. Там река и мост, на котором они будут в течение десяти минут, а я теперь хорошо если через час. И что делать?

Подняв байк, вытолкал его на вершину холма, положил так, чтобы заткнутая тряпкой дыра обратилась к небу, и повернулся к реке.

Хорошо, что помимо прочего со склада Сигизмунда был захвачен и бинокль. Не очень мощный, но сейчас и такой пригодится. Встав на краю лысой глинистой вершины, я посмотрел. Синей лентой вилась речка, дорога упиралась в мост и за ним тянулась дальше. Далеко слева на реке виднелось размытое светлое пятно брода. За речкой низина, в которой стоит городок под названием Мичуринск-2, но отсюда его не видно. У города этого, по словам Михаила, было не совсем обычное прошлое: какой-то закрытый полусекретный

наукоград, не отмеченный на гражданских картах. Но сейчас дело в другом, я увидел кое-что интересное: впереди бандиты свернули с дороги и остановились недалеко от нее. До реки и моста им оставалось еще с километр, а то и больше.

Опустив бинокль, я достал из футляра чистую тряпицу, протер окуляры и снова посмотрел. Боров и Рыба раскладывали палатку. Зверобой в сопровождении Кузьмы поднимался по склону ближайшей возвышенности.

Когда они достигли вершины, я присел, чтоб особо не маячить. Главарь банды тоже достал бинокль, встав боком ко мне. Я повел своим в сторону, куда он смотрел, и увидел, что вдоль реки к месту, где они встали, катит грузовичок с открытым кузовом. Подкрутил фокус. Пятеро: четверо стоят у кабины и поверх нее смотрят вперед, пятый присел в задней части... А не прикован ли он к бортику? Да и «он» ли это – или «она»? Кстати, на людях в грузовике схожая одежда, этакая полувоенная форма, и на том, что позади, отдельно от других, тоже. Волосы короткие, но все равно мне показалось, что это молодая женщина, хотя лица толком не разглядеть.

Такую форму носят бойцы Армии Возрождения. Не они ли это, часом, в грузовике пылят? Я перевел бинокль обратно на Зверобоя. Тот беспокойства не проявлял – заметив грузовик, некоторое время наблюдал, потом пошел обратно к лагерю, оставив на вершине Кузьму. Спокойно так пошел, не торопясь. То есть он ждет возрожденцев? А ведь Сигизмунд говорил, что, со слов бандитов, когда они пришли к нему за припасами в дорогу, ему показалось: на пути они должны встретиться с подельниками. Кочевники и армейцы затеяли что-то совместное? Неожиданный и тревожный союз, который может сильно усложнить мне все дело.

– Так, братцы-кролики... – пробормотал я, наблюдая за лагерем. – Если здесь у вас место встречи и вы сразу собираетесь ехать дальше, то зачем палатка?

Боров с Рыбой как раз закончили с ней и занялись костром. Это могло означать только одно: перед переходом через реку Зверобой затеял продолжительную стоянку. Может, ему с армейцами нужно «много перетереть». Вообще-то палатки достают, когда собираются на этом месте переночевать, а иначе бессмысленно возиться.

Еще некоторое время я наблюдал, усиленно размышляя, затем опустил бинокль и поспешил к байку.

Когда топливо закончится и я не смогу достать новое, – а достать его негде, в Мичуринске-2 ничего такого нет – мне останется только помахать рукой вслед уезжающим бандитам с присоединившейся к ним компанией да пустить скупую мужскую слезу. Я их упусти, потеряю, возможно – навсегда. И чтобы этого не произошло, нужно... что?

Нужно лишить их транспорта. Чего я, вроде бы, сделать не могу: одному с десятком вооруженных людей не совладать. Значит, необходимо создать ситуацию, при которой они сами расстанутся со своими тачками.

Неожиданно, да? Ничего, мы с Мишей и не такие проблемы решали. Теперь я, правда, один, но это не значит, что я слаб. И в физическом, и в умственном смысле. Итак, вопрос: как заставить людей, собравшихся, судя по всему, в неблизкое путешествие, бросить свой автотранспорт?

При помощи «душистой мины». Я сам себе удивился, когда это решение пришло мне в голову... но ведь впереди Мичуринск, а там живет тот, кого называют Травником, тот, которого упоминал Михаил перед смертью. Травник тоже как-то связан со всеми этими таинственными делами, и теперь у меня есть два повода, чтобы заглянуть к нему. Он спец по сборкам из различных артов и аномальных растений. Более того, Травник разбирается в артефактах, которые формируются не только обычными, более распространенными аномалиями, но и теми, что возникают в Лесу. Лесные аномалии – редкие и странные, их очень мало кто видел. Травник умеет ходить по Лесу, хотя и не глубоко, у самой границы, но все же может перемещаться по нему, не вызывая реакции в виде торнадо ядовитых спор, атаки мутантов или Шторма.

Настоянная на особых травах лечебная мазь, которой Ксюха замазала мою рану, неплохо

помогла. Я хромал, но идти мог достаточно бодро. Плюс топлива в байке еще немного есть. Значит, нужно обогнать отряд, за которым слежу, перейти реку по броду, добраться до Мичуринска-2, найти Травника, живущего в дворницкой старого парка, и попросить его сделать для меня «душистую мину», которую он сам называет более умно: феромонный манок. И поставить ее на мосту прежде, чем бандиты проедут по нему. Тогда этот путь будет для них закрыт, если только они не конченые психи. А другого, если не хочешь искупаться, на долгие километры нет, кроме брода, конечно, но по нему – только на своих двоих.

Скатив байк с вершины, я завел его и поехал наискось к прежнему направлению, чтобы по большой дуге, под прикрытием холмов, обогнуть стоянку и достичь реки в районе брода.

* * *

Как по заказу, байк умер прямо на берегу. Хрипнул на прощание движком и затих.

В этом мест дно было совсем близко, из воды торчали большие плоские камни. На другом берегу росли деревья, за ними начиналась низина, где стоял Мичуринск-2. Михаил называл его наукоградом, но, по-моему, это был скорее наукопоселок: несколько десятков небольших домов стояли ровными рядами вокруг аккуратного квадрата экспериментального парка, в центре которого располагалось здание института. Мы как-то заглянули туда – ничего интересного. Пустые гулкие залы, коридоры и лаборатории, откуда вынесли все маломальски ценное. Более интересным был сам парк, где до Пандемии институтские ученые разводили новые виды растений.

Теперь в Мичуринске жили десятка два бродяг.

Я снял с багажника рюкзак, накинул лямки на плечи. Повесил «вал» за спину, на поясной ремень сбоку прицепил «махновку». Байк решил не бросать на берегу возле брода. Если у меня все сложится, то вскоре этой переправой воспользуются бандиты, нечего оставлять им улику, даже если они вряд ли поймут ее значение.

Откатив байк в сторону, где было поглубже, спихнул его в воду и вернулся. Отсюда до моста с километр, меня не увидят. Сняв ботинки и закатав штаны, шагнул на камень. Вода плескалась между голышами, накатывала на них, пенилась и булькала. Когда добрался до середины реки, рядом громко плеснуло. Темное гибкое тело скользнуло к камням, и я схватился за «вал». Вроде большой рыбы, но слишком уж активно оно извивается там, да и тонкое какое-то... может, угорь? Только длинный слишком, больше щупальце напоминает. А тело, выпустившее его, где тогда – на дне сидит? Воображение живо нарисовало этакий мясистый клубень размером с человека, присосками удерживающийся на дне, с торчащим из верхушки пуком щупалец, что хищно извиваются в мутной воде. На душе стало как-то тревожно. Спокойно, Стас! Смело, решительно и быстро валим отсюда с максимальной скоростью!

Я зайцем заскакал по камням. Про водных мутантов до сих пор ничего не слышал, не видел их – и хочу дальше оставаться в неведении. Почти достиг берега, когда сзади чвиркнуло, и в поясницу мне ударила тугая струя воды, явно выпущенная под приличным давлением. Нога поехала на скользком камне, я сиганул дальше, на берегу развернулся с «валом» наизготовку, но успел заметить лишь, как нечто темно-лиловое, склизкое, похожее на кишку, с хлюпаньем втянулось обратно под воду.

Чертовы твари! Откуда они берутся в таком количестве и разнообразии? Такого ведь не должно быть: чтобы закрепился новый вид, требуется много времени. И Михаил про это говорил, да и я читал в учебниках, которые он мне когда-то подсовывал... С другой стороны, тот же Травник иногда вещает нечто-то заумное про онковирусологические факторы, в разы ускоряющие мутации, про биологический вектор цивилизации и... Стоп! Вектор. А не связано ли это с тем вектором, который упоминал Михаил перед смертью? Рука сама собой потянулась к груди, нащупала висящий под рубахой кулон-ключ. «V», перечеркнутая зигзагом... Что за «V» – понятно, первая буква слова «вектор», а что значит зигзаг? Или это буква «Z», стилизованная под молнию? Похоже, вообще-то... Ладно, и что у нас начинается

на «зет»?

Лес с ним, решил я, не до того сейчас, но позже на эти темы обязательно еще поразмышляю. Решив не стрелять по щупастой речной твари, чтоб не подымать шума, снова повесил «вал» на плечо и быстро зашагал прочь от реки.

Город начинался в долине сразу за плоской прибрежной возвышенностью. На краю ее я остановился, разглядывая открывшийся внизу пейзаж.

Мичуринск проектировали люди без воображения: квадрат парка, вокруг ровными рядами дома. Но сейчас эту правильную геометрическую картину нарушала протянувшаяся с севера полоса Леса. Конец ее приходился на ближний ко мне край парка, примерно на то место, где стояла дворницкая – жилище Травника.

Сверху захваченный Лесом участок казался немного темнее окружающего, словно был присыпан пеплом. Мне показалось, что вижу дворницкую – маленький светлый коробок... не понять, дотянулся до нее Лес или нет. Чем дальше от меня, тем щупальце становилось шире и, в конце концов, превращалось в большую, захваченную Лесом область. Своеобразный лесной оазис посреди «чистой» территории. Такие пятна иногда возникали на свободных от Леса территориях. Местные туда никогда не ходили, кроме Травника, который в поисках артефактов и редкой флоры посещал всевозможные, в том числе и опасные, места. Но почему именно сейчас Лес потянулся к Мичуринску?

Я оглянулся на реку. Отсюда мост не виден. Нельзя мне упустить Зверобоя с его людьми! Ведь они, наверное, направляются к этому полигону смерти, чем бы тот ни был. Слежка за ними может привести к разгадке многих, а то и всех тайн. Я узнаю, кто на самом деле был мой отец, откуда они Михаилом знали друг друга. Ну и месть, конечно. Острое, жгучее желание завалить распявших Мишу уродов не отпускало меня ни на секунду. Не прощу себе никогда, если не убью этих сволочей, которые пытали моего друга и прибили его к борту грузовика!

Но если Лес добрался до дворницкой, Травник мог погибнуть. Или ушел оттуда. Или... ладно, чего гадать. Чтобы понять, что происходит в Мичуринске, надо войти в него. Я зашагал по склону.

Вскоре вокруг потянулись дома. Разбитые окна, дырявые крыши... Я прошел мимо пары зданий, выглядевших получше других, в них жили местные. Возле одного, где обитал старый забулдыга дед Егор, остановился, позвал хозяина, даже сунулся внутрь – тихо, никого нет. Пошел дальше. В Мичуринске осело десятка два людей, некоторые держали огороды, другие охотились. Небольшая мирная община – слишком бедная, чтобы привлечь внимание кочевников Черного Рынка или вольной банды, и слишком слабая, чтобы грабить других. Травник в Мичуринске был кем-то вроде знахаря и шамана. Такой себе с научным уклоном шаман... Мы иногда заносили ему попавшие нам в руки арты, с которыми не знали, что делать. Бывают иногда редкие, странные артефакты, возникающие, как правило, в аномалиях у границы Леса. Либо гибриды знакомых артефактов, либо вообще нечто новое. Если мы не могли разобраться с их свойствами – тащили добычу Травнику, когда оказывались рядом с Мичуринском. В дворницкой у него была своя лаборатория, где он как какой-то алхимик орудовал колбами, ретортами, тигелями и прочими штуковинами в этом роде.

Впереди открылась небольшая площадь, а дальше железная ограда парка. Я огляделся – по-прежнему никого, тихо. Сдвинув «вал» так, чтобы ствол смотрел вперед, зашагал к пролому в ограде, подволакивая разболевшуюся ногу. Пересек площадь, пробравшись через дыру, вломился в заросли, миновал акации и остановился на краю большой проплешины, посреди которой стояла дворницкая.

Вот он, Лес. Странно изогнутые стволы, от одного вида которых становится тревожно на душе. Длинные извилистые, иногда переплетающиеся, иногда стелющиеся по земле, иногда кривыми башнями устремленные в небо. Бесчисленные змеи веток, пучки темно-зеленых, бледно-желтых и красных листьев, уходящее вдаль сумрачное пространство между стволами, дыры и провалы, таинственные темные закоулки... Лес задавил, расплющил обычную растительность. Между мутировавшими деревьями едва проглядывали парковые

акации и орехи, чьи стволы были либо сломаны растениями-чужаками, либо уродливо искривлены. На длинном участке шириной в пару десятков метров Лес полностью вытеснил и подавил обычную растительность.

Дворницкая – приземистое кирпичное здание с парой маленьких окон, закрытых листами жести, – стояло торцом ко мне, дверь приоткрыта, рядом к стене прислонен велосипед. Травник почти не ездил на нем, предпочитал ходить пешком.

Отсюда я не видел, дотянулся ли язык Леса до дворницкой или остановился где-то позади нее.

– Травник! – негромко окликнул я, направившись к постройке. На полпути повернул так, чтобы обойти ее и увидеть, насколько близко подобрался Лес.

И когда увидел, подумал, что внутрь входить не хочется. Потому что он был прямо здесь. Крайнее дерево, росшее сильно наискось, напоминало руку, которую Лес протянул к зданию. Лишенная листьев крона состояла из пяти толстых ветвей, они словно растопыренные пальцы обхватывали торец постройки. Две ветви шли вдоль стены кверху, где цеплялись за край крыши. Кирпичная кладка местами осыпалась, как будто Лес стучал и скреб в нее, оставляя глубокие выщерблены.

Все это напоминало намеренную, целенаправленную атаку. Интересно, почему Лес вдруг повел себя так, на что среагировал?

Размышляя, я пошел обратно к входной двери. Каким образом Лес вообще способен замечать происходящее в мире людей, отслеживать события? Михаил как-то выдвинул теорию, что корни и грибные мицелии, тонкие органические нити, которые могут протягиваться на десятки километров под землей, – это нечто вроде отростков нейронов в наших мозгах. То есть под землей находится огромное, раскинувшееся на десятки тысяч километров, рассеянное сознание Леса. Насколько глубоко оно уходит вместе с мутировавшими корнями вглубь Земли, насколько сильно Лес способен влиять на планету, ее электромагнитное поле и другие параметры, не знал никто. По крайней мере, мы с Михаилом не были знакомы ни с одним умником, который хотя бы отдаленно представлял себе это.

Донеслось чириканье, я оглянулся. Из-за акаций выпорхнул дрозд, часто взмахивая темными крыльями, пролетел мимо дворницкой. Я приостановился. Там, в Лесу, даже воздух другой. Темно-бархатистый, кажется густым и терпким. Когда дрозд влетел в него, он и сам немного преобразился. Я даже моргнул. Нет, конечно, это та же самая птица, но отсюда мне почудилось, что окрас ее стал темнее, а еще дрозд... увеличился в размерах, что ли?

Птица летела дальше – а потом Лес будто вздохнул, и она пропала.

За миг до этого сбоку, от искривленного ствола, к ней метнулось нечто. Очень быстрое, смазанное. Не знаю, может, и померещилось, но дрозд исчез, не издав из звука, будто мгновенно выхваченный из этой реальности.

Глубоко вздохнув, я отвернулся и пошел к двери. Остается только надеяться, что за то время, пока буду находиться в здании, Лес не сделает рывок и не накроет его целиком.

Велосипед у двери был старый, но вроде на ходу, шины подкачены. Толкнув дверь, я заглянул и позвал еще раз:

– Травник! Эй! Важный разговор есть!

Тишина. А ведь у него тут артефакты хранятся, да и многое другое, и этим всем можно поживиться. Я по натуре не мародер, но будем мыслить практично: если Травник погиб – ему добро уже не нужно. А я живой, и мне оно нужно, вот так.

Шагнул внутрь. Хозяин поставил в дворницкой пару перегородок буквой «Т», получились три комнаты: холл, в котором я очутился, кухня-спальня и лаборатория.

Сильно хромая – нога снова болела, – я зашел во второе помещение, где Травник спал и кухарничал. В углу стояла буржуйка, труба от которой шла к дырке в стене, рядом стол со шкафчиком, там посуда. На стене висели несколько свиных колбас, связка чеснока и кошелка со сморщенными яблоками, в углу был продавленный диван, на нем пара одеял и подушка. Артефакты Травник не тут хранит, идем дальше. Уже четко понимая, что в дворницкой никого нет, я толкнул вторую дверь и вошел в лабораторию.

Сюда хозяин не очень любил пускать посетителей, мы с напарником заходили сюда всего несколько раз.

Первое, что приковало мой взгляд, – большой плакат на стене. Лист картона, на нем разноцветными мелками грубо намалеваны три пузырька. Один закрашен зеленым, другой красным, третий – черным. Зеленый перечеркнут жирной линией, под ним надпись вкривь и вкось. Подойдя ближе, прочел: «Я добыл его! Скоро найду Шамана!»

Над каждым пузырьком было написано по одному слову: «Темнозор», «Мутагон» и «Антилес».

А еще вверху плаката была надпись большими буквами, как бы заглавие: «ТРИ ТОНИКА ДЛЯ ЛЕСНОГО УГЛА».

Гм. И что это значит? Я перечитал все это. Вообще без понятия, никакого намека...

Повернулся к длинному столу, на котором стояли всякие склянки. Заметил тигель на краю, потрогал – еще теплый. Значит, хозяин ушел недавно. Я похлопал ладонью по столу, размышляя.

Первое: поговорить не удалось, Травник исчез вместе с тайнами, которые хранил, и что он знал про отца, почему Миша перед смертью упомянул его – теперь не выяснить. То есть выяснить можно, если хозяин дворницкой не погиб и я его найду.

Если он жив – найду, решил я. Никуда не денется. Непонятно, что здесь произошло, куда все делось, что вызвало атаку Леса. Но мне не до того, мне спешить надо.

А отсюда вытекает второе: по-прежнему нужен манок. Бандиты еще там, на другом берегу, но вскоре будут здесь и покатают дальше, быстро скрывшись из виду, если я не заставлю их бросить тачки. Если заставлю – пойдут, медленно и печально, и тогда смогу за ними следить. Значит, отодвинем пока в сторону тему с расспросами Травника, забудем про плакат со странными надписями. Займемся манком.

У стены напротив стоял стеллаж, его верхние полки заняты по большей части аккуратно перевязанными пучками трав и подсохших цветов, к каждому пришпилена бумажка с названием. Что мне нужно? Болиголов мутакоциум, вот что. Травник имел привычку писать латинские названия русскими буквами. И где наш мутакоциум?.. Есть, вот он, на третьей полке слева. Прячем в карман. Хорошо, начало положено, но одного растения для манка мало. Нужен еще артефакт «живокоств».

На нижней полке стояли железные коробки из-под английского чая «Гвайнингс», большие, на триста граммов и разноцветные: красные, зеленые, желтые, черные – чай с бергамотом, зеленый, золотой, обычный черный. Не знаю, где Травник раздобыл их, но сейчас, конечно, никакого чая там не было.

Я стал один за другим открывать коробки, изнутри заклеенные фольгой. Большинство были пусты, но в некоторых лежали арты. Две разряженные, судя по бледному цвету, «катушки»; «пружина» – эх, сломанная, не работает; «погремуха», явно давно не чищенная... А тут что? Ого! Даже ого-го! Внутри коробки, которая поначалу показалась пустой, висел, не касаясь стенок и дна, светящийся угловатый кристалл со слабым свечением. Когда я поднял коробку, он, ударившись о дно, начал взлетать, и пришлось придержать его сверху. Левитирующий «оникс»! Ну, Лес мне в помощь, – повезло! В пассивном состоянии «оникс» создает особое поле, которое реагирует на движущиеся с большой скоростью объекты и замедляет их. Люди стали использовать этот артефакт для замедления пуль. При активации «оникс» способен полностью остановить летящую в тебя пулю, – правда, артефакт при этом разрушается.

Я закрыл коробку. «Оникс» – отлично, но мне сейчас нужен не он, мне нужна «мочалка». Эта штука похожа на губку или пружинистый клубок мха. Поглощает токсические газы и радиоактивную пыль, а после активации становится смертельной гранатой, при взрыве создающей облако ядовитых спор. И есть у «мочалки» еще одно свойство, довольно-таки необычное и любопытное, так сказать, незадокументированное. Про него никто не знает, кроме Травника, который его открыл и рассказал нам с Мишей в обмен на редкий арт. Свойство это «включается» только в сочетании с мутировавшим болиголовом.

Болиголов у меня есть, а «мочалки» нет. Без «мочалки» не создать манок, без манка – не тормознуть бандитов, и, когда они форсируют реку на своих тачках, я на велосипеде за ними не угонюсь. Вместе с прибывшими на грузовике – их около десятка человек – нападать в одиночку тоже бессмысленно. Еще и нога болит опять.

Я присел на корточки, заметив два небольших свертка на нижней полке, взял один и развернул. Там, завернутый еще и в бинт, лежал фосфоресцирующий синим цветком. «Живокост», ага. Вот это уже лучше. Пусть не очень свежий, неважно, арт хорошо восстанавливает ткани, заживляет... Проблема с раной, считай, решена. А что во втором свертке?

Удача со мной, решил я, увидев содержимое. Это был комок вроде пемзы, которой счищают мозоли с пяток, только более пористое и пупырчатое. «Мочалка»!

Раскрыв рюкзак, я понял, что туда коробки не влезут. Лес заberi, и контейнера специального нет, в ячейки которого можно сложить арты! У нас с Мишей, конечно, был такой, но его унесли люди Зверобоя, когда очистили стоянку в сарае.

Завернув «живокост» с «мочалкой» обратно в тряпицы (как и коробки, те изнутри были обшиты лоскутами фольги), я положил их в карманы куртки. Артефакты нельзя просто так таскать с собой, очень это не рекомендуется, но не буду же я ходить с чайными коробками в руках. Жадным взглядом окинул сломанную «пружину», «катушки» и «оникс». Не могу оставить здесь настоящий левитирующий «оникс», это вообще несерьезно!

Оглядевшись, подошел к лабораторному столу и вытащил из-под него кусок грязного брезента. Отряхнув, расстелил возле стеллажа, поставил коробки с артами на брезент, туда же положил несколько связок с самыми редкими травами и листьями. Завернул ткань, углы связал узлом и бечевкой приторочил к рюкзаку.

Так, болиголов в кармане, «мочалка» в коробке... Что мне еще нужно? Да вроде и ничего. Третий ингредиент, необходимый для феромонного манка, всегда при себе. Ну, почти всегда. Я еще раз окинул взглядом лабораторию Травника. Посмотрел на плакат. Что все-таки значит эта надпись? Три тоника... какие еще тоники? И непонятный «Лесной угол». Лично я такой местности в округе не знаю.

Все, теперь назад, к мосту. Я шагнул в сторону двери, и тут пол мелко задрожал. Раздался приглушенный хруст, дворницкая затряслась, и слева от плаката от угла прошла трещина. Прямо на моих глазах она резко изогнулась, потом еще раз, очерчивая треугольник. Я отскочил, когда кусок стены с грохотом выпал, разлетевшись по полу обломками кирпичей. В прореху пружинисто качнулась толстая изогнутая ветвь – мне сначала показалось, что в дворницкую лезет здоровенная змея. Нет, на самом деле она не извивалась, просто давление изогнутой ветви в какой-то момент превысило крепость старой стенки, и та проломилась. Но все равно – как-то это очень смахивало на обдуманную атаку, словно дерево, которое я видел снаружи, то, что смахивало на руку великана, намеренно пробило стенку. Ну, просто для того, чтобы Лес мог заглянуть внутрь и посмотреть, что это я тут делаю.

За дырой открылся сумрачный лесной мир. С тихим шелестом оттуда выпорхнуло что-то лохматое и уселось на край пролома. Твою лесную мать! Это что? Дрозд... кажется, тот самый! Но что с ним случилось?! Он стал лохматым, перья – потемневшие и взъерошенные, между ними появились неприятные влажные проплешины. Шея запятой свернута на бок, голова наклонена, вместо одного глаза какое-то черное бельмо. А второй неподвижно пялится на меня.

Все, пора отсюда валить – я попятился к двери. «Вал» был в руках, встроенный глушак смотрел на монструозного дрозда. Спокойно, Стас, гони паранойю прочь! Стрелять по птичке Гринпис не велит. Была такая организация, Миша рассказывал, следила за сохранностью живой природы, защищала ее от людей, а лучше бы следила за сохранностью людей и защищала их от живой природы. Вон что эта природа теперь вытворяет, уж так ожила – дальше некуда... Что все-таки с ним стало, с этим дроздом? Он словно зомби. Дрозд-зомби – анекдот какой-то!

Дрозд тихо и очень зловеще щелкнул клювом. Пятясь к двери, я неожиданно подумал о

другом: а ведь постройка снаружи больше, чем изнутри. Вот эта стена, на которой висит картонный плакат, – в ней дело. Я попытался четче восстановить в памяти картину, которая открылась, когда обошел дворницкую. Ну да, она приземистая и широкая. Лаборатория и соседняя комната, то есть кухня-спальня, да плюс холл – вместе они кажутся меньше. Как будто там, за стенкой с плакатом, что-то спрятано.

Дрозд снова щелкнул клювом и тяжело вспорхнул на лабораторный стол. Стыдно признаться, но я вздрогнул. Никогда не думал, что стану бояться какой-то пичуги.

Потом напомнил себе: а ведь совсем не факт, что бандиты просидят на том месте всю ночь. Разложенная палатка вроде бы на это намекает, но они могут по какой-то причине решить выступить раньше... Да они, если подумать, уже сейчас могут приближаться к мосту. Вряд ли, конечно, но такое возможно. Надо спешить. Возьму велосипед Травника, раз уж он его бросил, на велике до моста доберусь в два счета.

С этой мыслью, решительно отвернувшись от преображенного монстродрозда, я вышел из лаборатории, пересек кухню, толкнув дверь, шагнул наружу – и судорожно вскинул «вал», увидев идущую прямо на меня седую женщину.

Она была полупрозрачная, и сквозь нее просвечивался пейзаж.

Глава восьмая

Ловушка. Фантомы и тайные ходы

«Вал» успел выплюнуть несколько пуль, прежде чем я прекратил стрельбу. Никакого вреда они не причинили, ушли «в молоко». Прозрачная женщина двигалась дальше. Шагнув назад, я с шипением выпустил воздух между зубами.

Как-то в детстве отец повел меня на какое-то шоу. Самое яркое воспоминание от него: женщина-голограмма. То есть это он позже объяснил мне про скрытые источники дыма в полу и проекцию с изображением, отбрасываемую на него... А тогда я видел красивую девушку, которая крутила сальто, оставаясь на одном месте, танцевала и размахивала длинной извивающейся лентой. Девушка казалась живой, объемной – и в то же время была молочно-прозрачной, как призрак.

Сейчас было что-то похожее. Хотя седая женщина не оставалась на одном месте, как та актриса, она шла, но все равно мне почудилось, будто какое-то густое испарение поднимается из земли, и нечто проецирует на него картинку.

Главное – я знал ее! В Мичуринске-2 эту женщину называли Божьей Коровкой. Психованная тетка, которая питалась лесными ягодами и корнями, жила непонятно где и большую часть дня бессмысленно слонялась по городку. Почти в каждом поселении есть хотя бы одна такая личность.

И вот эта самая Божья Коровка – только неживая, полупрозрачная – плыла мимо дворницкой, бесшумно ступая босыми ногами по земле.

Она прошла совсем рядом, прямо передо мной, похожая на силуэт из серого дыма. Очертания находящихся за ней предметов расплывались, но разглядеть их было можно.

Только теперь я заметил кое-что еще. По другую сторону площади за оградой стояло несколько двухэтажных домов, первый этаж одного занимал магазин с покосившейся вывеской «Продукты» над входом. Перед ним стояли пластиковые и криво сколоченные из досок столики со стульями. Этакое кафе, тут иногда сживали местные. Кофе никакого у них, конечно, не было, но в магазине они смастерили печурку, на которой делали травяной чай.

Так вот сейчас за столом у двери сидели двое призраков. Я знал обоих: дед Егор, к которому заглядывал по дороге сюда, и толстяк Влас, вожак местных, самозванный мэр Мичуринска-2. Они сидели там и вроде бы разговаривали.

Я глянул вслед Божьей Коровке, которая медленно удалялась, и тогда разглядел четвертого фантома: парень с двустволкой в руках шел по улице. А в глубине этой улицы был кто-то еще – далекий тусклый силуэт. И, кажется, рядом еще один...

Фантомы занимались обычными человеческими делами. То есть теми, которыми были заняты и при жизни. И они не замечали меня. Вообще никак не реагировали на мое присутствие.

Да что происходит? С таким я раньше не сталкивался, никто ничего подобного никогда не описывал. Или все же описывал? Помнится, когда в Боярке исчезли все жители... Ну да, точно, Магарыч говорил что-то про призраков, которых видел там то ли накануне исчезновения, то ли сразу после. Но Магарыч – тот еще пьяница, никто не верит его байкам, он травит их, только чтобы раскрутить слушателей на стопарь.

Оглядываясь, я на несколько шагов отошел от дворницкой. И что теперь? Если фантомы нематериальны, я ничего не могу с ними сделать. И они со мной, наверное... Да они меня просто не замечают! Получается, идти к мосту, забыв про все эти дела? Нет, забыть, конечно, не смогу, просто в копилку странных и необычных событий, свидетелем которых я становился за эти годы, добавится еще одно.

Тихий шорох прозвучал прямо над головой. Подскочив, я развернулся, глушитель «вала» уставился вверх. На краю крыши кто-то стоял, и я не мог понять, кто это. То есть это был мутант, зверь, но – что за порода? Взгляд будто соскальзывал с него, стекал, как вода со стекла. Очень необычно, но так и есть: когда я попытался смотреть прямо на мутанта, видел лишь непонятное искажение на краю крыши, стеклистый сгусток в пространстве, отдаленно напоминающий четвероногого зверя, нечто среднее между волком и рысью.

Он немного светился. Погодите, неужели... это что, светлый леший? Я вылупил на него глаза. Ну, подфартило! В обратном смысле! Он беззвучно сместился вдоль края. Я понял это по изменению в пространстве, хотя напрямую уследить за движением зверя не мог.

Едва сумев удержаться от выстрела, я прыгнул обратно в дворницкую, стукнув дверью так, что посыпались остатки штукатурки, сдвинул засов и привалился к стене, тяжело дыша. Сердце перепугано трепыхалось в груди. Вашу лесную мать, светлый леший! Про этих тварей такое рассказывают! Травник в шутку называл их квантовыми мутантами. Конечно, ничего «квантового» в леших нет и быть не может, но каким-то странным образом они состоят из двух частей: светлой и темной. Не в том смысле, что светлая добренькая, а темная – воплощение зла. Обе половины отличаются кровожадностью, а еще лешие гораздо умнее тех же горбунов. Ну а насчет их половин, или частей... Как-то Михаил рассказал мне о сиамских близнецах, когда двое детей рождаются с частично сросшимися телами, и при этом у них две головы, два мозга, две личности. После того рассказа у нас родилась совместная теория: а может, светлый и темный леший – своего рода сиамские близнецы, но, как бы сказать... психические? То есть один разум, управляющий двумя телами? Лес его знает, все эти психические дела кажутся мне слишком сложными и непонятными, да и нужных знаний элементарно не хватает. Увы, но учебники по психологии и строению мозга среди тех, что подсовывал мне напарник, не попадались. А может, и не «уввы», может, и к счастью – начнешь углубляться в это, у самого крыша съедет.

Мысль я додумывал уже в лаборатории Травника. Дрозд улетел, в проломе по-прежнему торчала изогнутая ветка. Тянуло сквозняком. Леший протиснуться в просветы между толстой ветвью и краями дыры, скорее всего, не сумеет, но ведь кладка может обвалиться. Я бросился обратно в спальню-кухню, сдернул с кровати пару одеял, свернул и, снова вбежав в лабораторию, поплотнее впихнул свертки в прорехи. Вот, уже поспокойнее как-то. Теперь он снаружи даже заглянуть сюда не сможет, хотя вытолкнуть одеяла из дыры ему, конечно, не трудно.

Что дальше? Выходить в ближайшее время нельзя. Снаружи доносились шорохи, приглушенный скрежет... бродит он там, сволочь расплывчатая. Может, уже и вторая половина его пожаловала, которая темная? Сняв рюкзак, я присел на табурет. Патовая ситуация. Выйти не могу – ну, не завалю я лешего, просто не получится. Но и леший сюда проникнуть не может. Наверное. А люди Зверобоя скоро пересекут мост... Или все-таки останутся ночевать на том берегу? Если они собираются выступить на рассвете, то у меня еще около двенадцати часов, за это время леший может убраться восвояси. Опять-таки –

наверное.

Лучше потратить свободное время с пользой, решил я, снял ботинок, закатал штанину до колена и занялся раной. Старую повязку снял вместе с компрессом, сделанным Ксюхой, достал «живокост», а из походной аптечки, которую забрал у Сигизмунда – бинт. Артефакт завернул в него, смочил самогоном из фляжки и обмотал ногу так, чтобы синий цветок пришелся на рану. К тому времени, когда снова надел ботинок, арт уже начал действовать, по ноге будто сладкая теплая волна прошла – выше, по пояснице... и боль исчезла. Позже она еще вернется, но совсем слабая.

Захотелось есть, я перекусил, сделал пару глотков самогона. Снаружи то стихало, то опять начинался шум. Я насторожился, услышав царапающий звук, сопровождаемый тонким посвистыванием. Тихий-тихий и очень зловещий. Это кто такое издает, тоже леший? Как-то непохоже, хотя кто его знает, как может шуметь леший... Или призраки так общаются? Нет, они уж точно не смахивают на разумных созданий. Фантомы – фантомы и есть, без мозгов и чувств, нематериальны и бездумны.

Звуки стихли, но я продолжал напряженно вслушиваться. С призраками вообще ничего не понять, что они такое и откуда взялись. Хотя одно предположение у меня все же появилось: что, если их порождает Лес? Может, он вобрал в себя сознания мичуринцев, погибших в результате его атаки, и теперь как бы исследует нашу психику, с помощью фантомов имитируя поведение людей? Создает иллюзию жизни и наблюдает. А тела местных лежат где-то по подвалам, чердакам и комнатам – растерзанные мутантами или отравившиеся спорами, которые Лес умеет выпускать.

Занятый такими мыслями, разматал брезентовый сверток, достал коробки с артами и стал разглядывать. Итак, что мы имеем? Вот «катушки» – кристалл, обросший тонкими эластичными волокнами. С виду напоминает индукционную катушку, за что свое название и получил. В обычном состоянии создает локальное электромагнитное поле, отключающее всю электронику, скрывающее носителя от сканеров и детекторов. Если активировать, то есть сильно сжать, превращается в ЭМ-гранату, генерирующую на месте взрыва поле помощнее, которое вырубает электронику.

А вот «пружина» – небольшой арт, немного смахивающий на увеличенную молекулу ДНК. Стимулирует метаболизм, тонус. Рядом с «пружиной» лучше работают мышцы, ускоряется реакция, бодрость во всем теле небывалая, чувствуешь себя таким богатырем, никакой мутант тебе нипочем. Только я сейчас ничего такого не ощущаю, а почему? А потому, что арт рассекает глубокая трещина, по краям которой он стал ломким и осыпается трухой. Жаль, вооружившись «пружиной», можно было бы, наверное, и с лешим схватиться. Устроили бы тут эпическую битву охотника с мутантом, о нас бы легенды слагали. Непонятно, поддается ли «пружина» ремонту, можно ли арт починить? Зачем-то ведь Травник его держал, не выкидывал, вот и я выкидывать пока не буду, хотя с первого взгляда от «пружины» теперь никакой пользы.

А вот и «погремушка». Ее почистить надо, судя по виду, а так – всё путем, нормальный арт, целый.

Ну и, наконец, «оникс». Я даже вздохнул, раскрывая коробку с ним. Этот темный светящийся кристалл – отличная защита. Поле, которое он создает, каким-то образом реагирует на движущиеся с большой скоростью объекты. И замедляет их. Такая особенность как-то связана с зависимостью массы от скорости, а этих двух параметров – с энергией... физика, в общем. Главное, что хороший «оникс» может спасти от летящей в тебя пули, то есть снизить ее убойную силу почище всякого бронезилета. А если «оникс» активировать, он полностью остановит пулю, даже, говорят, несколько пуль способен удержать. Правда, при этом разрушится.

Ну уж нет, решил я, «оникс» в обшитых фольгой коробках только дурни таскают. Осторожно достал арт, обмотал бинтом из аптечки, сверху – бечевкой, и привязал к ремню возле «махновки». Теперь повоюем!

Пока ел и разбирался с артами, прошло прилично времени. Снаружи давно было тихо –

может, леший убрался? Надо выходить, а страшновато. Про леших ведь жуткие истории рассказывают, как они людям головы откусывают... Хуже всего то, что конкретно этого мутанта толком и не разглядеть. И «оникс» от него не очень-то поможет. Но не сидеть же здесь вечно. Я вытащил одно одеяло из прорехи, наклонился к ней, скосил глаза влево, вправо. Вроде никого. А Лес – вот он, прямо передо мной. За это время стало темнее, наступил вечер. В насыщенном влагой, полном странных запахов сумраке между деревьями двигались смутные тени, слишком блеклые, чтобы хоть что-то понять, но пугающие. С крыши дворницкой больше не доносится ни звука – рискнуть, что ли, выйти?

Когда я снова заткнул прореху одеялом и повернулся, взгляд упал на плакат, где были нарисованы эти разноцветные «тоники» и написано про какой-то непонятный Лесной угол. Плохо, что Травник исчез, задал бы ему пару вопросов о том, что это такое. Ведь никогда не слышал название подобной местности. Лесной угол... звучит как-то, мутант его знает, дремуче, что ли.

Я пригляделся к плакату. А что там под ним? Раньше в том месте, сколько помню, висел лист жести...

Припомнив свои мысли о том, что снаружи постройка показалась больше, чем внутри, я шагнул к плакату и сорвал его со стены, открыв то, что раньше было скрыто жестью, а теперь – картоном.

Это была круглая, похожая на большой люк железная дверь, нижний край которой проходил примерно в полуметре над полом.

Ручек или запорного колеса, какие ставят на люках и подобных дверях, не было. Зато имелось углубление, куда можно просунуть пальцы и потянуть дверь на себя.

Я так и сделал. Люк со скрипом открылся. И в этот же момент громкий звук раздался над головой – будто когтями с силой провели по металлу.

«Вал» лежал на полу у табурета, но «махновка» висела на ремне, и я схватился за нее. Ствол обратился к потолку. Скрежет повторился, уже в стороне и тише, что означало: тот, кто его издает, переместился к краю крыши. Глухой стук – он спрыгнул. Снова шум, теперь совсем приглушенный...

Наступила тишина. Я медленно повернулся кругом, не опуская оружие. Одеяло в прорехе между веткой и краем пролома с едва слышным шорохом шевельнулось.

Один Лес знает, какого напряжения воли стоило мне не выстрелить туда! Спиной я отпрыгнул к люку. Одеяло начало продавливаться в помещение – снаружи кто-то напирал на него. Я быстро заглянул в люк. За ним было темное помещение, то есть ниша между этой и следующей стеной, находящейся метрах в полутора дальше. Вот, почему снаружи дворницкая казалась больше.

Пол там был земляной, вниз уходил лаз примерно метрового диаметра.

Я бросился к рюкзаку, выдернул из бокового кармана фонарик, собрался уже схватить и сам рюкзак, но тут одеяло рывком вдвинулось в помещение, едва не выпав из прорехи, и я метнулся обратно. На бегу нагнувшись, подцепил ремешок «вала».

Прыгнув в нишу, стал закрывать люк, кинул взгляд через плечо и увидел, как одеяло падает. Что было за ним, понять не смог, уловил только смазанное движение. Люк закрылся.

Я затаил дыхание. Тишина. Медленно попятился, пока не уперся спиной во вторую стенку. Опустил фонарик к полу и включил. Подкрутил металлическое кольцо, чтобы уменьшить яркость, присев, заглянул в лаз.

Делать нечего, надо проверять, что там. Низко пригнувшись, полез. Сначала лаз шел наклонно, потом стал горизонтальным и расширился. Луч света уперся в еще одну круглую железную дверь, которой он и закончился.

Тут никого не было. Пустое, темное, тихое место. Я на четвереньках приблизился к двери, осмотрел: точно такая же, как и та, что вверху, и тоже с выемкой под пальцы. Только эта не открылась, даже когда я дернул посильнее. Попятившись, сел. Дверь крепилась к толстому железному ободу, вмурованному в землю. Вспомнился сейф в камерке, выделенной мне Сигизмундом. Хозяин говорил, что под сейфом залит цемент, в который уходя стержни,

так, может, и здесь что-то подобное?

Интересный схрон притаился под дворницкой. Какие секреты Травник в нем хранит? Я осмотрел дверь, скользя по ней лучом фонарика, и заметил слева горку земли. Стал рыть. Вскоре пальцы ударились о твердое – там оказалась дощечка. Подцепив ее за край, вытащил, отбросил. Открылась неглубокая ямка.

В ней лежала тетрадка и кожаный мешочек на шнурке.

Взяв их, поставил фонарик рефлектором вверх, немного притушил – получился этаким светильник-ночник.

Первым делом я раскрыл мешочек. Внутри лежал стеклянный пузырек – точь-в-точь, как на плакате. Внутри – фосфоресцирующая зеленой жидкостью, густая, похожая на масло.

Так. Зеленый тоник. Тот самый, который Травник, судя по его записи, добыл, чтобы найти какого-то Шамана. Тот, что он назвал Темнозор – во всяком случае, именно это слово было написано над бутылочкой, окрашенной зеленым. Второй тоник назывался Мутагон или как-то так, а третий – Антилес. Интересно, где в последнем слове ударение, на «и» или на «е»? Анти-лес... на «е», понял я, то есть: Анти-Лес. Против Леса – в этом, что ли, смысл названия черного тоника? А что означает слово «Мутагон»? Гонит мутантов? Откуда, куда? А «Темнозор»?.. Ну, Травник, ну, конспиратор! Не зря Миша тебя упомянул, как-то ты очень серьезно всем этим замешан!

Получается, я держу в руке один из трех тоников, предназначенных «для Лесного угла» – ладно, но что мне с этим делать? Прислушиваясь, не донесется ли что-то из помещения вверх, я вытащил плотно вставленную в горлышко пробку, поднес пузырек к лицу и осторожно помахал ладонью перед носом. Не ощутив запаха, сунул внутрь палец, но так и не коснулся зеленого масла, потому что в последний момент почувствовал тепло. Не буду рисковать, вдруг оно жжется как кислота? Кстати, теперь, когда я вытащил пробку, стало заметно, что над поверхностью вещества поднимается легкая светящаяся дымка, вроде как световое испарение выходит через горлышко и растворяется в воздухе. То есть эта штука может выдохнуться, и лучше ее закрыть?

Ладно, закрыл. И подумал: а ведь я не знаю, что со всем этим делать. Оборудованный железной дверью схрон под дворницкой – уже само по себе удивительно. А тоник этот с явно непрытыми свойствами, и странный плакат... Травник, прежде чем исчезнуть, пытался создать тоники? Если так, то почему он не взял с собой тот, который успел сделать, когда уходил? А если уж спрятал здесь – почему в этот тайник, а не в схрон за круглой дверью, возле которой я сижу? Тайник-то я нашел, стоило только спуститься в лаз, а вот за дверь проникнуть не могу...

Может, он спешил, а дверь открывать долго? Или за ней – не схрон, а нечто другое. Или Травник и сам в помещении за дверью не бывал, потому что не имел ключа.

Я убрал тоник обратно в мешочек, стянул шнурком его горловину и привязал к цепочке кулона-ключа. И взялся за тетрадку. На сильно потрепанной, с оторванным уголком обложке черным фломастером было написано: «ЕОЖГОКЛ УСБГОЙЛЬ».

Обычная толстая тетрадка в полосу. Половины, если не больше, страниц не хватает, причем вырваны они грубо, в спешке. А на тех, что оставались, – записи и рисунки артефактов, по большей части мне незнакомых, со стрелочками, пунктирами и непонятными поясняющими надписями. Еще графики, диаграммы. И много текста, сплошная абракадабра: «Гпинпзоп щбнбо рсбг й Лсбк – псфзйж Мжтб, ждп рбтйгоба ибъйуб».

Я пролистнул несколько страниц, зашевелил губами, пытаюсь читать. Мутант разберет эти каракули! А я не мутант, я не могу. Тетрадка похожа на лабораторные записи Травника, куда он заносил свои наблюдения за живой и неживой природой. В ней может быть много всяких любопытных, а может, даже и бесценных сведений, но как их прочесть?

Положив тетрадку на землю, я пополз обратно. Наверху приложил ухо к двери и вслушался. Все-таки какие-то звуки сюда проникают, хотя и совсем тихие. Кто-то снаружи есть, и выходить пока нельзя. Хуже всего будет, если этот «кто-то» догадается открыть люк. Хотя если там мутант, пусть даже умный леший, то вряд ли.

В этот момент снаружи раздались царапающие звуки, сопровождаемые посвистыванием. Такие уже звучали раньше и уже тогда изрядно меня встревожили. А теперь даже напугали, было в них нечто настолько странное и зловещее, что у меня волна холода прошла по хребту. Нет уж, братцы мутантики, не пойду я к вам! В конце концов, я успел наложить компресс с «живокостом», рана в ближайшее время не побеспокоит, – то есть, скорее всего, вообще больше не побеспокоит, – к тому же поел, у меня есть фляга и фонарик... Короче, лучше здесь пока посидеть.

Я вернулся ко второй двери и лег на бок, вытянув ноги. Еще раз полистал тетрадку Травника и снова ничего в ней не понял. Зевнув, подумал о том, что он мог вызвать атаку Леса своими занятиями в лаборатории. Хотя Травник давно химичил, но, возможно, не пересекал некую черту, которую Лес считал запретной. Если же хозяин дворницкой затеял какой-то особо хитрый эксперимент, Лес мог отреагировать... Допустим, вот таким способом – протянув к Мичуринску-2 свое шупальце, уничтожив местных обитателей, превратив их в фантомов. Только вот призрака самого Травника я не видел, что вселяет надежду на то, что он жив.

Это оказалась последняя мысль, которую сумел додумать до конца, – сон окончательно сморил меня.

* * *

Проснулся я в полной темноте и судорожно зашарил вокруг в поисках «махновки». Пальцы наткнулись на незнакомую пластиковую рукоять... «Вал», ну конечно, у меня же теперь «вал». И я не на стоянке в палатке, вместе с Мишей. Его больше нет. Это земляной лаз под дворницкой – под домом Травника.

Определившись со своим положением в пространстве, сел. У «живокоста» есть интересное свойство: если, используя его, начинаешь активно двигаться, он тебя дополнительно бодрит, тонизирует, а если, наоборот, ложишься, замираешь – усыпляет. Травник, назвал это, кажется, избирательным воздействием на нейромедиаторы, или как-то так. Вот меня и вырубил, пролежал пластом без всяких снов, будто в черную бездну провалился.

Жаль, нет часов. То есть они у меня были, да сломались, новые еще не успел достать. А вот фонарик – правильно сделал, что выключил перед сном. Теперь нащупал его, включил. Сколько – времени неясно, но, по ощущениям, спал долго. Много часов, на самом деле, ведь прошлую ночь поспать не удалось, потом весь день в пути, а тут еще «живокост»... в общем, срубило знатно.

Здесь ничего не изменилось. Лаз, круглая железная дверь, разрытый тайник. Вспомнив про найденное в нем, я нащупал висящую на груди цепочку. Теперь там не только кулон, то есть электронный ключ Михаила, но и кожаный мешочек с пузырьком, а в том – маслянистая зеленая жидкость, тоник под названием Темнозор.

Я сунул дневник за ремень на спине, взял оружие и пополз назад. Выбравшись из лаза, долго прислушивался под второй дверью, но ничего не услышал. Вообще ничего, полная тишина в дворницкой. Погасив фонарик, приоткрыл дверь и выглянул. Тусклый свет пробивался в пролом, выпавшее оттуда одеяло лежало на полу.

Быстро выяснилось: в лаборатории никого, кроме меня, нет, хотя недавно кто-то здесь побывал. На столе, на стене и полу остались небольшие пятна светящейся слизи. Еще я заметил глубокую царапину на краю стола, а ведь тот был металлический.

Сорванный плакат был расплосован, будто ударом когтистой лапы, причем расстояние между когтями впечатляло – по несколько сантиметров. Это какую граблю надо иметь, чтоб так дерануть? Рваные прорехи прошли как раз по изображениям тоников и надписи про Лесной угол.

Главное, что рюкзак лежал на том же месте, не тронутый. Как и коробки с артами.

Собрав их, увязав в брезентовый узел и подвесив к рюкзаку, я вышел из лаборатории.

Ни в кухне-спальне, ни в холле – никого. И входная дверь заперта. И как тогда этот, что оставил слизь и следы когтей, проник внутрь? Получается, все же через прореху в окне. Хотя она узкая, с учетом ветки... Ветки?

Насторожившись, я вернулся назад и понял, что изогнутая ветвь переместилась в проломе. Раньше она приходилась точно на середину дыры, слева и справа оставались узкие просветы, в которые я вставил свернутые одеяла. А теперь ветвь сдвинулась влево, сильно смяв одно одеяло – пожалуй, его и не вытащить уже, так зажало – и открыв большее пространство справа. Словно дерево специально сдвинулось, освобождая для кого-то путь.

Я приоткрыл входную дверь, сунул наружу сначала глушитель «вала», за ним – голову, огляделся, толкнул дверь и шагнул наружу. Никого. Солнце еще не встало, но было достаточно светло. Акации, кусты сирени, дырявая ограда парка, за ней улица и дома. Магазин со столиками. И никаких призраков-фантомов. Может, они мне почудились? Галлюцинация, надыхался какой-то алхимической гадости в дворницкой или Лес мне голову морочил...

Но велосипед у двери точно не привиделся. Вот он стоит, вполне себе материальный, а значит – могу уехать отсюда.

Так я и сделал. Когда достиг моста, совсем рассвело, хотя небо затянули плотные облака. Было хмуро и зябко. В такое время больше всего хочется в дом, к теплой печке, а еще лучше – в постель под бок к теплой женщине. Но – покой нам только снится. Бросив велосипед в кустах, я стащил со спины рюкзак, положил на землю рядом с брезентовым свертком и достал бинокль.

И увидел на ведущей к мосту дороге, далеко на другом берегу, бодро катящие машины. Впереди трицикл, за ним грузовик, сзади и немного по сторонам – два мотоцикла. Обе компании, объединившись, двинули сюда. И будут здесь буквально через десять минут.

Я схватил коробку с «мочалкой» и побежал к мосту, довольно шаткому и потрепанному сооружению, которое состояло из уходящих в воду бетонных столбиков, проржавевшего каркаса, дощатого настила и железного ограждения. Катящий сюда грузовик с открытым кузовом – максимальный вес для этого моста, больше он просто не выдержит, развалится.

Кто-то из бандитов мог глянуть в бинокль и увидеть меня, поэтому я двигался вполуприсядку. На краю моста открыл коробку и достал «мочалку». Вытащил пучок болиголова из кармана, сдернув с него бечевку, начал втыкать стебли в крупные отверстия на артефакте. При этом то и дело поглядывал на другой берег. Донесся гул моторов – ну вот, они совсем близко.

Когда «мочалка» стала похожа на ежа с мягкими зелеными иглами, я положил ее обратно в чайную коробку, а ту пристроил у ограждения. Крепко привязав к стойке, выпрямился и расстегнул штаны.

Да, мутант меня забори, именно так. Чтобы активировать процесс, на артефакт, соединенный с мутантом-болиголовом, надо помочиться. Не я это придумал. Не знаю, как Травник пришел к такому, какие опыты проводил, как ему вообще взбрело в голову... он что, на все арты, которые попадают к нему в лабораторию, мочится? И по отдельности, и соединив их с другими артефактами, а потом еще с растениями?.. Силен, экспериментатор, нечего сказать!

Моторы гудели вовсю. Закончив дело, я застегнулся и бросился назад, отряхивая руки. Еще толком не достиг кустов, когда услышал жужжание. Феромоны, в них все дело. Сильная штука, хоть и невидимая. Мельчайшие частицы, которые мы вдыхаем... Среди них есть один тип – релизеры, то есть побуждающие к немедленному действию. Такими феромонами привлекают других особей для спаривания, предупреждают соплеменников о близкой опасности или, наоборот, отпугивают. Для многих феромонов человеческое обоняние слишком грубое, чтобы реально почувствовать запах. Поэтому я ничего не ощутил.

А вот лесные осы – ощутили.

Определенные виды феромонов очень летучие и быстро распространяются на большие расстояния. Если бы Лес не атаковал Мичуринск-2, я бы, наверное, все же не успел, ведь

«оазис», от которого протянулось лесное шупальце, был слишком далеко. Но благодаря нападению на город все получилось как надо.

Я присел в кустах, глядя на серое облако, летящее со стороны Мичуринска. Осы, что и требовалось доказать. Дикае ядовитые лесные осы-мутанты. Вспомнился дрозд, влетевший в пролом дворницкой. Что, если птица с ними повстречалась? В яде лесных ос какой-то токсин, Травник говорил, он парализует высшую нервную деятельность и что-то еще нарушает в головном мозге. Притупляет работу одних его частей, активизирует другие... Первичные инстинкты, доставшиеся в наследство от наших диких волосатых предков и по-прежнему глубоко сидящие в сознании любого современного человека, даже того, кто ни за что не хочет это признавать, вырываются наружу, полностью подавляя рациональное поведение. В результате человек становится тем, кого с большой долей условности можно назвать зомби.

На самом деле он не зомби в классическом понимании, потому что человек не умирает. Но он перестает заботиться о себе, поддерживать тело в порядке, умываться, лечиться, и при этом жрет первое, что попадет под руку, что могут прокусить и откромсать его зубы, – в том числе человечину и мертвечину. Запах, потом вонь... короче, вскоре он начинает гнить. Можно сказать, что в прямом смысле гнить заживо. Покусанные осами люди уже в первой стадии отравления бездумно агрессивны, злобны, всего боятся и все ненавидят. А во второй стадии они и вправду напоминают ходячих мертвецов.

Я затаился в кустах. Возбужденные осы – это тебе не стая весенних мух. Не знаю, как именно приманивают их феромоны, которые исторгает «мочалка», утыканная стеблями болиголова и окропленная мочой. Михаил как-то предположил, что осы-мужики принимают артефакт за новую матку роя, но Травник эту идею высмеял. Да и неважно это, главное другое: теперь осы станут бессмысленно клубиться над мостом около трех-четырёх суток, пока действие моей сборки не прекратится. И все это время по мосту не пройти и не проехать, разве что в герметично закупоренной кабине. Дикае лесные осы и без того агрессивны, а уж если кто приближается к такому облаку...

В общем, будем надеяться, что среди людей Зверобоя есть хоть один, разбирающийся в данном вопросе, и они тормознут на том берегу, станут решать, что делать. И варианта у них только два: либо ждать, пока осы улетят, то есть часов шестьдесят, либо двигать в обход до ближайшей переправы. Но такой, чтоб форсировать реку на машинах, в округе нет. Есть только брод, где прошел я. Там – только пешком.

Что делать, если бандиты все же решат ждать? Пойду добывать себе новый транспорт, вот что. Это для меня худший вариант, потому что могу и не добыть, но хоть шанс появляется. Если же они направятся к броду – тогда хорошо, все складывается по-моему.

Бандиты остановились и вывалили из машин. Я поднял бинокль. Зверобой, Боров... Кузьмы не видно... ага, вот он – остался сидеть в трицикле. Раненый, трудно бедняге ходить. Бандит по кличке Рыба стоит в стороне от других, поставив ногу на колесо. У грузовика – четверо бойцов из отряда, прибывшего на встречу с людьми Зверобоя. Плюс пятый, водитель. Вот зуб даю – не свой зуб, конечно, чей-нибудь чужой, – что это парни из Армии Возрождения. Так, а это кто у нас... У стоящего рядом с Зверобоем высокого мужика были черные кучерявые волосы. Держался он так, будто командовал остальными. Скорее всего – старший среди возрожденцев.

В кузове остался лишь один человек, я видел его голову над кабиной грузовика. Молодая женщина. Почему не выходит? Кажется, и правда прикована к борту. Интересно, что может объединять возрожденцев и бандитов с Черного Рынка? Да не простых бандитов, а отщепенцев: Зверобой ведь, по словам Сига, был «уволен» Ханом.

Они собрались, чтобы вместе двигаться к какой-то цели. К полигону смерти? К вектору?

На той стороне шло совещание. Одного возрожденца, невысокого роста шустрячка, который все сновал по берегу, привставал на цыпочках и глядел на ос, толкнули в спину. Он сделал шаг на мост, отпрянул, повернулся и закричал на того, кто его толкнул. В ответ засмеялись. Черноволосый командир гаркнул на них, и бойцы стихли. Он снова повернулся к Зверобою, и эти двое заспорили. Судя по тому, что я видел отсюда, по выражению лиц и

жестам, Зверобой в их компашке был все-таки главнее. Он дважды показал в сторону брода, по которому я перешел реку.

Вскоре разговор закончился, и все вернулись в машины. Я привстал.

Они отогнали технику в сторону с дороги, укрыли тачки в зарослях и принялись выгружаться. Ну, правильно, вдоль берега к нужному месту не проехать, для этого надо вернуться и следовать примерно тем путем, каким на мотоцикле к броду подкатил я. И Зверобой решил, что это ни к чему, до камней-то недалеко. Я довольно потер руки, достал фляжку и сделал глоток самогона за свое здоровье. План сработал.

* * *

Не так-то легко двигаться вдоль берега неширокой речки, в то время как по другому берегу идет отряд людей, которым ты не должен попасться на глаза. Почти сразу выяснилось, что на велосипеде – никак. Пришлось бросить его, а жаль, неплохой был велик.

Я перебежал от укрытия к укрытию, прятался за кустами и кочками. Иногда приходилось ложиться и ползти. Все это выматывало, плохо было и то, что отряд на другом берегу двигался быстро. Пленницу вел кучерявый командир возрожденцев, иногда подталкивал в спину. Впереди широко шагал Зверобой, Кузьма хромал позади всех, останавливался, брался за грудь. Да уж, идти с такой раной нелегко, тяжело мужику приходится, ножом я его будь здоров ткнул...

Когда отряд по камням перебирался через реку, у меня перед глазами почему-то встала картина того, как Михаил висит в темном кузове, прибитый к борту, истекая кровью, ожидая, чтобы напарник пришел за ним, а того все нет... И кулаки сжались сами собой. Напасть бы на них прямо сейчас! Я лежу за камнями, сбоку от брода, у меня «вал» и «махновка», а бандитов на этом берегу уже трое, включая Зверобоя... Взять и расстрелять почти что в упор!

Я мотнул головой. Очень хочется, но – нельзя. Часть убью, часть нет, и оставшиеся меня прикончат. Отмстить – это лишь половина дела, хотя и главная, конечно, но есть и вторая: получить ответы на вопросы. Понять, что происходило раньше, кем был мой отец, как они с Михаилом связаны, что такое вектор и полигон смерти. Вдруг смогу даже выяснить тайну мерцающих? И, черт возьми, тайну Леса!

Последними через брод переходили девушка и кучерявый командир возрожденцев. Руки пленнице по такому поводу развязали. Он снова принялся подталкивать ее в спину, и на середине речки сделал это слишком сильно – девушка поскользнулась, едва не упав, громко выругалась. Развернувшись, она неожиданно врезала кучерявому кулаком под дых.

Смачно так врезала, от души, не по-женски. Он едва не слетел с камней в реку, выкрикнул «Сука!» – и шмякнул ее кулаком в лицо. Переборщил: она свалилась в воду, ушла с головой. Возрожденец, присев на корточки, сумел ухватить ее. Поднял и отвесил еще пару затрещин. Голова девушки мотнулась в одну сторону, в другую, а после откинулась назад – пленница потеряла сознание. Кучерявый взвалил ее на плечо и пошел дальше, ловко балансируя на скользких камнях. М-да, неласковый мужик...

На берегу пленницу быстро привели в чувство, но переодеться не дали, только накинули на плечи плащ. В мокрых ботинках и штанах она серьезно рисковала простудиться.

Когда отряд двинулся дальше, я пропустил людей мимо себя и тихо направился следом. Шли они напрямиком к Мичуринску-2. Вот только совершенно непонятно было, что могло понадобиться Зверобоем в этой богом забытой дыре?

* * *

В магазин, под входом в который стояли столики со стульями, я проник через заднюю дверь. В торговом зале было большое окно, конечно, давно без стекла. Я встал под ним на колени, вооружившись биноклем, упер локти в подоконник и принялся наблюдать.

Площадь была прямо впереди, дальше начинался парк. За оградой и редкими деревьями

виднелась дворницкая, перед ней прохаживались двое возрожденцев.

Зверобой, Рыба, Боров и командир возрожденцев как раз входили в дворницкую.

Когда отряд зашагал напрямик в Мичуринск-2, я удивился, а потом, когда они подошли к парку, насторожился. Ну а теперь наблюдал за происходящим вообще с изумлением. Зверобой пришел к Травнику! Такого я, честно говоря, не ждал.

Травник всегда казался мне странноватой личностью. Как-то он упоминал, что до Пандемии был биологом, но что еще я о нем знаю? В Мичуринске-2 обитал пару лет, а где жил раньше и чем занимался – неизвестно, никогда не рассказывал. Про контакты Травника с кочевниками я ничего не слышал, и никаких намеков на это никогда не было. Почему Зверобой пришел сюда?

Столько вопросов – и опять ни одного ответа. Главное, вопросы только копятся. Травник что, как-то связан с происходящим? Может, он на стороне бандитов? Может, даже ждал их... хорош бы я был, если б пришел к нему и заявил, что мне нужны составляющие для феромонного манка, чтобы остановить кое-кого. Или он, наоборот, исчез именно потому, что узнал о скором визите банды и не хотел с ними сталкиваться?

А может, я слишком много думаю?

Все это вообще, скорее всего, не связано. Про Травника знают многие, он известная в округе личность. Зверобой со своими людьми идет в опасное место. Да и сама дорога туда опасна. И он хочет взять у Травника нечто, что поможет ему в пути или в конечной точке. Ведь я и сам заглянул сюда за помощью, так почему бы другим не сделать того же? Это вполне логично и понятно, и не нужно выдумывать никакие странные совпадения. К тому же они могли прийти за лечащим артефактом для Кузьмы.

Надо подойти ближе, решил я, и на коленях попятился за сломанный прилавок. В глубине магазина стащил со спины рюкзак, положил в углу зала, рядом «махновку» и футляр с биноклем. «Вал» оставил висеть на спине. Выскочив из магазина тем же путем, которым попал внутрь, пробежал за домами, пересек край площади и через дыру попал в парк.

Выглянул над зарослями, растущими у ограды. Нет, эта позиция ничем не лучше той, которую занимал раньше, но впереди пышный куст сирени, к нему можно подобраться незамеченным. Тем более что теперь рюкзак не мешает. Я пополз. За кустом остановился, огляделся, перекатился, глянул с другой позиции меж веток. Вот, отлично. Свободное от деревьев пространство перед дворницкой было как на ладони.

Пленная женщина лежала, завернувшись в плащ с головой. Рядом на разложенной скатке вытянулся Кузьма, смотрел в небо и поглаживал себе грудь. По обе стороны от них стояли двое людей из отряда, присоединившегося к бандитам Зверобоя. Мысленно я окрестил одного, у которого была смахивающая на помидор красная рожа, Помидором, а второго, со светлыми волосами – Блондинчиком. Этот второй стоял ко мне боком, Помидор же сначала прохаживался туда-сюда, а потом остановился лицом к ограде. Блондинчик вроде знакомый, но не вспомню сейчас, где его видел.

У обоих в руках М-16, а рядом с Кузьмой в траве лежит «калашников». Дверь дворницкой открыта, оттуда доносятся голоса.

Вдруг я заметил кое-что еще: пленница, чуть приподняв голову, искоса глядит на Кузьму из-под плаща. А ведь он совсем недалеко лежит, и «калаш» рядом... неужели собирается схватить оружие, открыть огонь и сбежать? После брода ее вроде так и не связали, ее план может сработать. Хотя вряд ли. Помидор с Блондином стоят в разных точках, она не успеет застрелить и Кузьму, и этих двоих. Помочь ей, что ли?

Я мысленно прикинул ситуацию и покачал головой. Извини, подруга, ты мне никто, я тебя не знаю, и пока что ты мне неинтересна. А вот все эти люди, их цели и намерения – интересны. И вмешиваться в ваши разборки мне не с руки, потому что у меня своя разборка, большая и многоходовая.

Из дворницкой донеслось раздраженное гудение Борова:

– Мазь, а? Где эта мазь хренова? Сколько можно тут топтаться, вон же, Лес рядом, уходить надо.

Его прервали грохот и лязг – кажется, они перевернули железный лабораторный стол. Тяжелые шаги, стук... Затем новый голос, незнакомый:

– Зверобой, ты обещал мне эту мазь. И Травника нанять в проводники.

А это не старший ли возрожденец заговорил? Голос звучит довольно уверенно, даже требовательно. Вряд ли рядовые бойцы стали бы так обращаться к Зверобою.

Главарь бандитов ответил, как обычно, холодно и мрачно:

– Ты не ребенок, Фара, а мазь – не леденец. Нету ее здесь – значит, нету.

Фара, да? Ну, хрен с ним, пусть будет Фара. Он снова заговорил:

– Где-то рядом ренегаты шастают, понимаешь? В любой момент наскочить могут. Ты мазь обещал! С ней в Лесу могли бы хоть на время укрыться, со следа их сбить. А теперь что?

Говорил он хоть и с претензией, но без особого напора, скорее даже просительно. Вот как-то сразу чувствуется, кто из них подчиняется, а кто реально командует.

– Теперь что, спрашиваю, делаем?

– А теперь – нет у нас мази, – отрезал Зверобой. – Лес сюда потянулся, Травник снялся с места. Такое не предвидеть. Лучше объясни: зачем ты эту девку выкрал?

– Я говорил: она сестра Шульгина, который командует ренегатами.

– Я знаю, что говорил. Но зачем она тебе?

– Ну как это – зачем? Чтоб прикрываться ею. Чтоб ренегаты не наскочили. Мы ж обсуждали уже, почему опять спрашиваешь?

– Потому что ни черта мы ею не прикрываемся. Ты трясешься, что они могут напасть, ну и если так, то какой с нее в результате толк? Обузу с собой тащим, и всё.

Донесся равнодушный голос Рыбы:

– Прирезать бабу. Можно мне?

– Да усохни ты! – повысил голос Фара. – Со вчерашнего дня только и бухтишь: того пристрелить, этого прирезать... Маньяк, что ли?

Снаружи Кузьма поднял голову и хрипло прокричал:

– Найдите мне «живокост»! У Травника должен быть, сдохну же!

– Нету здесь артов! – загудел в ответ Боров. – Ни одного, и Травника нету!

– Тогда какое-то снадобье лечебное!

– Ничего тут нету больше, Кузьма! Травник свалил, и свое добро унес. А что не он унес – то, наверное, после него успели...

– А, твою мать! – перебил Фара. – Что за слизь такая светящаяся? Башмаком вляпался... Так, а это, рисунок какой-то, что ли? Порванный только.

– Дай мне, – велел Зверобой. – Боров, стол обратно поставь, хочу посмотреть, что здесь намалевано. А вы пошарьте еще, и посмотрите в этом лазе за стеной. Что там за дверь внизу?

– Непонятно, – ответил Боров. – Плохо, взрывчатки нет, а так не вскрыть. Крепкая, сволочь.

Обыск дворницкой продолжался. Я наблюдал, слушал и думал. Они ищут мазь, с помощью которой можно войти в Лес. Я такой не видел ни разу, хотя слухи о подобных штуках ходят, но никогда не думал, что Травник умеет их делать. С другой стороны, он ведь мог входить в Лес. В тот самый оазис, от которого сюда протянулось щупальце. Неглубоко, но по краю – ходил. Это я точно знал, один раз мы с Михаилом даже поджидали его недалеко от лесной границы. Так, может, Травник умел это не сам по себе, а именно благодаря мази, которую теперь ищут бандиты?

Не означает ли это, что Травник – из Края?

Край – необычное место, расположенное далеко отсюда. Про краевцев точно известно, что они ходят в Лес. И что подобные мази делать умеют. Если Травник из Края, то почему ушел оттуда? Повздорил с тамошними Старейшинами или по другой причине? В общем, любопытно все это, но возникает вопрос: мне сейчас какое дело? Польза какая, прок, выгода? Ведь не оставляет ощущение, что все происходящее свернуто в какой-то путаный клубок. Все события, свидетелем и участником которых я стал за последнее время, включая

исчезновение Травника, – это не разрозненные происшествия, а нечто единое, и разобравшись в нем, я смогу извлечь для себя профит. С другой стороны, я ведь уже знаю, для чего они пришли сюда: за мазью, чтобы при необходимости на время укрыться в Лесу от преследователей, которых послал брат пленной женщины. И еще они хотели нанять Травника в проводники, то есть он должен хорошо знать места, куда они идут. Все вроде бы просто, и никакой зловещей тайны под всем этим не скрыто...

Тогда почему Михаил вспомнил про Травника перед смертью?

Поток мыслей прервался, когда на краю крыши что-то шевельнулось, и я вскинул голову. Там скользнул прозрачный силуэт, будто отлитый из мягкого стекла. Ничего материального, просто искажение пространства...

Помидор, перед тем повернувшись лицом к дворницкой, ничего не заметил, а Блондин дернулся. Я схватился за «вал». Размытое движение, шелест воздуха... Блондин заорал, когда его сбilo на землю. Будто невидимые клинки прочертили тело от бедра до плеча наискось, через живот и грудь. Брызнула кровь. Он завизжал, как свинья.

Пленница подняла голову, Кузьма резко сел, схватив «калаш». Помидор повернулся. Снова размытое движение – в обратную сторону, от земли к крыше – и тогда Кузьма открыл огонь. Все-таки тертый мужик, сразу видно. Как говорится: многое повидал и многих перестрелял. Удивительно, но он сумел попасть в этот стремительно пронесшийся по воздуху едва различимый силуэт!

Полетели красные брызги, раздался хриплый вой. Крутанувшись на краю крыши, силуэт на миг проявился четче, яснее, но лишь на миг. Оттолкнулся – и сиганул обратно. Кузьма повел за ним стволом автомата.

Я подумал о том, что, может быть, это совсем не леший, какой-то другой мутант или другая порода леших... допустим, назовем его пока что невидимкой. Мысль эта промелькнула мгновенно. Вслед за Кузьмой открыл огонь Помидор, но тут силуэт невидимки исчез полностью. «Калашников» смолк, Кузьма закашлялся, мучительно содрогаясь, начал перезаряжаться.

– Где он?! Где?! – Помидор, стоя на одном колене, дергал стволом.

Вдруг лежащее навзничь тело Блондина дернулось и поползло по земле. Женщина ахнула. Одна рука Блондина протянулась вперед, вторая волочилась вдоль тела, голова подсакивала на земле. Кисть вытянутой руки, изогнутая под острым углом, будто сломанная в суставе, прямо на глазах превратилась в кровавую тряпку. Невидимый мутант волок его по земле, вцепившись зубами.

– Артем! Артем!!! – заорал Помидор.

Я вдруг понял, что стою на коленях, далеко высунувшись из-за куста. «Вал» в руках, приклад вдавлен в плечо, глушитель смотрит точно на размытый, текучий силуэт, который маячит перед ползущим по земле телом. Невидимка быстро пятился, ухватив пальцами кисть Артема.

Кузьма с Помидором целились, но не стреляли, боялись попасть в человека. А женщина смотрела на меня.

Я кивнул ей и быстро приложил указательный палец к губам. И упал плашмя, когда из дворницкой посыпали бандиты. Боров, недолго думая, открыл огонь из пулемета вслед мутанту. Тот выпустил тело, которое осталось лежать неподвижно – хана Артему-Блондину, – и снова исчез целиком, будто растворился в воздухе, лишь череда красных пятен показала путь, по которому он рванул к деревьям.

Из-за них донесся хриплый вой. А потом другой, словно в ответ, – далекий и глухой. Через несколько секунд он повторился, уже громче. Может, это все-таки леший, и теперь его вторая, темная, половина спешит на выручку светлой?

Зверобой перекинулся с Кузьмой парой реплик, а Фара схватил в охапку женщину, поднял на ноги. Помидор, склонившись над телом Артема, сказал:

– Мертв.

Вой снова прозвучал, теперь было отчетливо слышно, что доносится он из-за

дворницкой, то есть с участка, захваченного Лесом.

– Уходим, – приказал Зверобой. – Быстро.

Глава девятая

Новый проводник. Слежка скрытая и явная

Довольно быстро я понял, что долго так продолжаться не может. Слишком тяжело следить за отрядом вооруженных и настороженных бойцов, выматываешься и начинаешь допускать ошибки. День так протяну, второй – не больше. Хотя пересеченная местность была мне на руку. В паре километров впереди лежало обширное болото, к которому двигался отряд: земля становилась все мягче, а то и дело встречающиеся на пути крупные кочки, поросшие травой и кустами, помогали прятаться. Еще – деревья, заросли... укрытий, в общем, хватало. Я перебегал от одного к другому, но мешало то, что отряд часто останавливался, вперед высылали разведчиков, иногда они забирались на холмы, мимо которых проходили, и разглядывали окрестности в бинокли. В общем, спалиться я мог в любой момент, к тому же мешал рюкзак.

После смерти Блондина отряд уменьшился до девяти человек, плюс пленница. Иногда они перекликались, и, в конечном счете, я запомнил прозвища всех возрожденцев. Зверобой со своими – то есть Боровом, Рыбой и Кузьмой, – плюс Фара, Помидор – которого величали, надо же, Томатом! – еще Шутер, Серый и Павлуша. Последний чем-то смахивал на Кузьму, тоже в возрасте и бородатый, но поросль на лице у него была светло-русая, а сам он – потолще Кузьмы. Серого, рядового бойца, часто подшучивающего над другим бойцом, Шутером, так звали просто потому, что его настоящее имя – Сергей. Шутер же был невысоким, подвижным и юрким, его чаще других посылали в разведку.

На какое-то время я потерял отряд, вошедший в небольшую рощу. Решив, что идти через нее опасно, слишком велик шанс наткнуться на тех, за кем следишь, я направился в обход. Когда обогнул рощу, увидел, что люди остановились метрах в двадцати впереди... и тут же повалился лицом на землю, потому что засек движение в кроне дерева.

Сидящий на ветке Шутер в бинокль разглядывал, что там впереди, у болота. Хорошо, что я подошел сбоку, а то бы он меня в момент засек. Но и сейчас рюкзак на спине торчит горбом, и заместить его нетрудно.

Все-таки он меня не увидел. Поводил еще биноклем туда-сюда и уставился вдаль. Высматривает, что ли, ренегатов майора Шульгина, про которого упоминал Фара? Кстати, что это за ренегаты такие? Возрожденцы, ренегаты... Совсем я не знаю ситуацию в Армии Возрождения, мы почти не сталкивались с ними. Базируются они где-то в непонятном месте, где мы с Михаилом никогда не бывали. Даже не слышали ни от кого, где основная база возрожденцев. На самом деле, если задуматься, это довольно странно, потому что вот Край или Черный Рынок – все знают, где находятся эти места, а про базу армейцев ничего неизвестно... И это при том, что они составляют немалую силу, а если всерьез схлестнутся с теми же кочевыми байкерами, то до финала и неясно, чья возьмет. Иногда в округе появляются небольшие армейские отряды, которые открыто конфликтуют с отдельными бандами кочевников – борются за зоны влияния; солдаты останавливаются в поселках, принуждают местных обеспечивать их провизией. При этом всерьез не мародерствуют, то есть ведут себя поприличнее большинства байкеров. У них дисциплина, подчинение командованию, даже форма своя есть, хотя не на всех солдат ее хватает.

Шутер спустился с дерева и бодро, чуть не вприпрыжку поспешил к своим. Энергичный паренек. Глядя ему вслед, я перевел дух. Все это время «вал» был нацелен на него, и, если бы Шутер заметил меня, пришлось бы его валить. Валить из «вала», такой вот каламбур... А это означало начало серьезных проблем: пришлось бы отступать, прятаться и думать, что делать дальше.

Маленький возрожденец подошел к остальным, у них с Фарой и Зверобоем состоялся

короткий разговор, после чего отряд двинулся дальше.

Местность становилась все более топкой. Выглядывая из-за очередной кочки, я заметил, что люди впереди свернули. Что там такое? Когда прошел немного дальше, стало понятно: аномалия. Выглядела она неприятно и опасно – как будто на землю вылили цистерну кислоты, и та проела яму глубиной метра полтора. Внизу окислившаяся, смешанная с ядовитой слизью порода, на дне торчат несколько столбиков затвердевшей земли. Иногда на таких столбах лежат сформированные аномалией артефакты.

Послышался легкий гул, а еще начало пощипывать ноздри, глаза, и пришлось забирать влево. Звук издавали земляные столбы, к тому же они мелко дрожали, причем энергия вибрации в них постепенно накапливалась. В этом и состоит основная опасность: среагировав на движение, столбы начинают сотрясаться и поднимают облако едкой, ядовитой пыли. Вдохнешь такую немного – и тебе предстоит сутки отлеживаться, голова раскалывается будет, тошнить, а вдохнешь побольше – так и не встанешь. Имеется и другая опасность: если энергии в аномалии накопилось много, там что-то срабатывает, происходит разряд, пыль вспыхивает. В радиусе десятка метров гибнет все живое. После этого аномалия успокаивается, начинает копить энергию заново, и в это время можно забрать лежащие на столбах арты.

Тут на самом большом столбе тоже что-то было, я даже рискнул подойти немного ближе, чтоб посмотреть, но увидел, что это всего лишь полуразложившийся труп болотного мутанта. Эти твари напоминают помесь выдры с огромной лягушкой. У них большие выпуклые глаза, а на теле почти нет шерсти, только у загривка мягкая серая поросль. Шкура слизистая, пупырчатая, бледно-зеленая. Когтистые гладкие лапы, а еще жабры и короткие хвосты. Пахнут выдры-мутанты сладковатой кислятиной.

Обогнув аномалию, я стал догонять отряд, и вскоре на фоне вечернего неба впереди проступила необычная штукавина: большая, накренившаяся, бугристая. Всё, граница болот рядом. Почти пришли.

Решив, что в болота отряд с ходу не войдет, я приотстал. Сомнительно, что они решатся пересекать его ночью, скорее всего, разобьют сейчас лагерь.

Так и оказалось, причем встал отряд аккуратно возле торчащей впереди бугристой возвышенности. Когда я ползком подобрался ближе, там уже разжигали два костра, и я свернул, чтобы очутиться под прикрытием громады, у подножия которой устроили стоянку.

Это была опора старой высоковольтной линии, атакованная деревом-мутантом. Один решетчатый рог вышки отломался и лежал на земле, а вся конструкция сильно накренилась. Толстые ветви плотно оплели ее.

Редко увидишь такое, чтобы дерево-мутант стояло далеко от других, но это почему-то выросло отдельно. А потом умерло, во всяком случае, на нем уже давным-давно не было ни единого листика. Ствол у основания – человек семь надо, чтоб обхватить. Земля вокруг него взрыта корнями. Между твердыми коричневыми буграми зияют провалы и темные дыры, где копошатся мелкие зверьки, ползают змеи, многоножки и жуки – странные насекомые, которых не увидишь в других местах. В паре метров над землей ствол резко искривлялся, будто не мог выдержать собственного веса, в сторону опоры ЛЭП. Дальше он распадался на множество толстых ветвей, которые змеями оплели ее, сломав часть железных штанг и согнув другие. Дерево-великан и опора стояли, будто обнявшись. Вместе они напоминали фантастическую башню – покосившуюся, давно заброшенную.

Я решил, что с рюкзаком точно не смогу подобраться ближе к стоянке, снял его и вместе со свертком, где были артефакты, положил на дно оврага неподалеку. Забросав ветками, пополз к лагерью со стороны дерева-мутанта.

Донесся голос Зверобоя:

– Как станет темнее, дуй на дерево. Дежуришь два часа, сменяет Боров.

Я перелез через сырую черную яму, в глубине которой что-то копошилось и шуршало, забрался на торчащий бугром изгиб корня и выглянул из-за ствола. Главарь бандитов стоял перед Шутером. Горели два костра.

- А чего я? – надулся Шутер. – Не люблю деревья эти. Они живые вроде.
- Чушь не носи, малой. Сейчас жрешь, потом лезешь наверх.
- Не, а чего я?
- Ты лазишь хорошо, – Зверобой отвернулся.
- Не, слушай! – Шутер запястем вытер нос. – Ты сам лезь, если тебе печет, а я лучше

тут внизу побуду.

Раз! – и кулак Зверобоя впечатался в его лицо. Как и на СТО, когда он ударил Борзого, я не заметил движения, просто Шутер вдруг очутился на земле. Сидящие у костра Томат с Серым и Павлушей повернулись, схватившись за оружие. Из палатки выглянул Боров, а стоящий возле пленницы Фара развернулся на каблуках.

Шутер вскочил, схватился за пистолет в кобуре, выкрикнув возмущенно-просительно: «Командир!». Фара, в два шага оказавшийся рядом, схватил его за руку и не позволил вытащить оружие.

- Слушаться его, понял?! – процедил он, сверкая глазами. – А то и я добавлю!

Чтобы угроза казалась убедительней, Фара занес кулак над головой маленького бойца и, когда тот съежился, повернулся к остальным:

- Всех касается! Зверобой сейчас командир, его слушать. Вопросы есть? Нет? Вот так!

Отпустив Шутера, он вернулся к пленнице, присел рядом с ней, заговорил. Женщина отвернулась. Волосы у нее были совсем короткие, «ежиком», а лицо угрюмое.

Кузьма подбросил в костер еще веток, Боров с Рыбой принесли котелок, и здоровяк повесил его над костром. Рыба налил воды из большой фляги, сыпанул крупы. Я отполз немного, осторожно приподнялся, чтобы было лучше видно. Шутер уселся у второго костра и закурил. Вода вскоре забулькала, потянуло гречкой, у меня заурчало в животе. Вспомнив, что оставил в рюкзаке припасы, я собрался было вернуться к оврагу и перекусить, но решил, что потерплю.

С мисками в руках люди расселись двумя группами: Томат, Шутер, Серый, Павлуша, Боров и Рыба – у большого костра, рядом они посадили пленницу; Зверобой и Фара с Кузьмой – возле другого, поменьше. Донеслось чавканье, бульканье и стук ложек. Я сглотнул. Прикинул обстановку – и полез на дерево.

Ветви толщиной с поясницу изгибались, охватывая железные штанги, иногда чуть ли не узлами завивались вокруг них. Вскоре я очутился посреди запутанного древесного лабиринта, приходилось то ползти через узкое пространство между массивными сучьями, то повисать на руках, раскачиваться и прыгать. В конце концов, устроился в выемке на толстой изгибающейся ветке почти точно над стоянкой. Дул ветер, дым от костров уходил в сторону и не мешал обзору.

Девять голов отчетливо виднелись сверху. А ведь сейчас я, наверное, мог бы завалить их всех. У меня есть арты, то есть они остались в овраге, но можно принести их сюда. Например, «мочалка»... Если ее активировать – превращается в гранату, которая при взрыве выбрасывает облако смертельно ядовитых спор. Я могу взорвать ее и открыть огонь из «вала». Большинство сидящих внизу точно убью, а может, и всех.

- И на свои вопросы так и не получу ответов. Нет уж, лучше выждать.

Я находился ближе к костру, у которого сидели рядовые члены отряда. Шутер громко сопел и все никак не мог свернуть самокрутку – разнервничался малый после свары с Зверобоем, – Павлуша с Серым всю навораживали кашу. Павлуша доел первым, вытер рукавом рот, рыгнул и сказал:

- А вот историю про Степку Решетова рассказывал я вам?

Шутер отмалчивался, а Серый ответил:

- Вечно ты с историями своими...

– Не, ну а чего бы не рассказать, мы ж не мутанты какие, молчать всю дорогу. Вот, слушайте... – Павлуша откашлялся и заговорил медленнее, тщательно подбирая слова, будто читал по книге:

- Бродяга Степка Решетов просто пытался выжить, как все. Он не был хорошим

охотником, не собирал больше всех артефактов и в аномалиях не очень разбирался. Степка был обычным человеком. Поэтому он даже удивился, когда в баре ему предложили работу довольно серьезные ребята из какого-то клана: надо было всего лишь сходить за вещами одного из них в брошенный городок неподалеку.

Шутер наконец разобрался с самокруткой и закурил. Они с Серым слушали не перебивая, и рассказчик продолжал:

– Ну вот, значит, не веря своему счастью, Степка тщательно подготовился, чтобы утром пойти в городок в пяти километрах от того места. По своей природной наивности он даже не задумался, почему бойцы не отправились туда сами, а наняли не очень умелого бродягу. Он уже бывал в том городе, так что при помощи записки с пояснениями, которую ему дали, Степка быстро нашел нужное место.

Это был пятиэтажный дом с черной крышей, уставившийся на непрошеного гостя пустыми проемами окон. Степка немного побаивался заходить в брошенные дома, но мысли о большом вознаграждении за легкое дельце толкали его дальше. Внутри было темно, сыро и страшновато. Степка вначале шарахался от неожиданных шорохов, но оказалось, что это шуршат, бегая, крысы, потревоженные бродягой. По старым лестницам он забрался на второй этаж, где лежали вещи, которые требовалось забрать. Увидел в конце коридора два зеленых рюкзака и сразу понял: вот она, его цель. Он пошел к рюкзакам, потом побежал... но, сколько ни шел, сколько ни бежал, коридор все не заканчивался, будто Степка стоял на одном месте. Тогда он оглянулся назад – и увидел тот же самый коридор с двумя рюкзаками в конце! Как так?! И там рюкзаки, и там рюкзаки, и куда не иди – ближе они не становятся!

Отчаявшись преодолеть морок, он повернул в другие комнаты, но и там были те же самые коридоры. Степка пытался выбраться через окна, однако в тот момент, когда высовывался, непонятная сила тянула его обратно и отшвыривала все в тот же коридор.

Павлуша многозначительно оглядел людей у костра.

– Однажды другой бродяга, проходя мимо старого пятиэтажного дома с черной крышей, нашел в траве смятую бумагу, на которой Степка Решетов описывал эту историю и умолял прийти за ним, выручить. Но никто, конечно, не пошел в тот дом. А иногда ночью, проходя мимо него, можно увидеть, как внутри мечется луч фонаря, а еще разглядеть темный силуэт Степки Решетова за одним из окон...

– Вот скажи, ты это все только что выдумал? – спросил Шутер.

– Не-а, – мотнул головой Павлуша и потрепал себя за бороду. – Мне это на Черном Рынке рассказали, свидетели.

– Свидетели чего?

– Да те, что Решетова в том доме позже видали.

Дальше я не слушал – отполз по ветке в сторону, бесшумно перебрался на другую и очутился над костром, возле которого сидели Зверобой и Фара с Кузьмой. Главарь бандитов как раз, бросив пустую миску в траву, покосился на людей у второго костра и негромко, чтобы там не было слышно, произнес:

– Как там майора твоего звать? Шульга?

– Шульгин, – поправил Фара.

– А эта, значит, сестра его.

– Младшая.

– Ну-ну, – задумчиво сказал Зверобой,

– А не боишься, что возрожденцы целый батальон пришлют, чтоб ее отбить? – спросил Кузьма.

Фара отмахнулся от него:

– С чего вдруг? Я ж сказал. Шульгин – ренегат, так их называют. Он со своими людьми ушел из армии и теперь против всех. Скорее уж за ним батальон пошлют, чем за нами.

– Значит, Шульгин от них ушел, а ты от Шульгина ушел, – заметил Зверобой.

– Вроде того. Он же не захотел с тобой дело иметь, а я, как ты к нам заявился, сразу понял: что-то жирное тут намечается.

– Правильно понял. Но девку не надо было с собой вести. – Зверобой поднял веточку, достал нож, остругал и стал ковырять ею в зубах. – Только мешает, да и сбежать может.

– Сбежать попробует – пристрелим, – возразил Фара. – Шульгин сестру любит, не прикажет по ней открывать огонь. Так что, если даже их отряд нас догонит до того, как попадем в нужное место, сможем, как минимум, переговоры вести. А эта Алинка... что там, сильно не мешает. Ты лучше скажи, мы как двигаемся дальше?

– Не знаю, – ответил Зверобой.

Фара удивленно поднял голову.

– Что значит – не знаешь?

– Твой Артем знал. Знал, а?

– Ну да. Я ж потому его и привел. Нашел, договорился, чтоб сопровождал нас...

– А теперь он мертвый. И кто нас поведет? Мы знаем только общее направление.

Фара показал на Кузьму:

– Так он же там вроде был...

– Вроде, ага, – поморщился тот, осторожно трогая грудь. – Знаешь, сколько лет прошло? И потом, нас туда возили так... маршрут мне, короче, никто не докладывал.

– Ну и как мы теперь? – командир возрожденцев явно занервничал. – Я не пойму, почему мы вообще тогда шли сюда все это время?

Зверобой ответил:

– Шли, потому что направление известно. Теперь пришли. А вот дальше... Через болото есть безопасные тропки, которые знал Артем. Он хорошим проводником по этим местам был. А мы не знаем их, и Травника тоже не смогли заполучить.

Главарь бандитов выплюнул зубочистку и продолжил:

– Почему, ты думаешь, мы на ночь здесь остановились? При том, что спешим и что ренегаты твои рыщут где-то в округе? Сделали бы привал на пару часов, и Артем нас сразу дальше повел. Со знающим человеком через болота и ночью можно.

– Хорошо, хорошо, так что теперь будем делать?

– Утром выступим, – пожал плечами Зверобой. – Медленно и осторожно. Другого варианта нет.

– Да мы половину людей в болотах оставим!

– Не надо было единственного проводника часовым в парке назначать, особенно с учетом того, что мы тогда уже видели: Травника нет. Ты вон Серого с Томатом тогда мог снаружи поставить, кто не так ценен... А проводника всегда надо держать рядом с собой, пока он не понадобится. Короче, мы сейчас ничего не решим. Утром всё. Говори своему юркому, чтоб лез дежурить, или я его еще раз опрокину.

– Шутер! – позвал Фара. – На дерево – живо! И следи постоянно, не спать там! Замечу, что кемаришь, башку раскрою!

– А когда меня сменят? – спросил маленький боец, выпрямляясь.

– Тебе сказали уже: через два часа.

Я развернулся на животе и быстро пополз назад, чтобы спрятаться и переждать, пока поднимется Шутер. Думал я при этом о том, что план нужно менять. У них нет проводника. Проводник им нужен. У меня же другая проблема: незаметно следить за отрядом будет все сложнее, а на болоте – пожалуй, что и невозможно.

И если немного пораскинуть мозгами, то можно понять, как завтра утром одним махом решить оба эти вопроса.

* * *

Болотные выдры жрут лягушек и змей. Та, в которую я целился, именно этим сейчас и занималась. Она изловила большого водяного ужа и, лежа на островке посреди тенистой заводи, медленно и сладострастно пожирала его, втягивая в пасть. Мерзкая все-таки тварь, но мутантов других видов поблизости нет, придется работать с тем, что имеем.

С этой мыслью я вдавил спусковой крючок.

Для дела использовал «махновку», а не «вал», на что была одна веская, серьезная причина. «Махновка» ЗВУЧАЛА.

Выстрел далеко разнесся над утренними болотами. Едва рассвело, было зябко, и голубоватый, похожий на дымку от костра туман висел в воздухе. Сквозь него проступали кочки, кусты и редкие деревца. Где-то в глубине болот тоскливо, монотонно ухала птица.

Пуля попала, куда я и целился: в толстую шею. Пупырчатая, отсвечивающая лиловым шкура лопнула. Брызнула светлая, чуть ли не прозрачная кровь. Выдра дернулась, выпучив огромные глупые глаза, привстала на кривых лапах и упала на брюхо. Тело ее мелко закачалось, задрожало, как квашня. Я выстрелил еще дважды, но не в мутанта, который уже сдох, а поверх него.

Вот теперь они точно услышат и всполошатся. Хотя, судя по дисциплине, которую поддерживал главарь в банде, даже в этот утренний час хоть один часовой да не спит, и если так, то он и первый выстрел услышал.

Выйдя из кустов, я повесил ружье на ремень и перешагнул через воду на островок. Выдра лежала там, где упала, в глазах-блюдцах, закрытых мутной пленкой, отражалось болото. Уж наполовину торчал из пасти. Ну, гадость! Натянув перчатки, я схватил его за хвост, вытащил изжеванное тело и отбросил в воду. Обошел выдру кругом. Крупная она, тяжелая. Кило двенадцать-пятнадцать, надо было поменьше найти. Но у меня просто не было времени бродить по болоту в поисках подходящей твари. Я схватил ее за задние лапы, приподнял, крякнул и взвалил на плечо.

И пошел назад к краю болот, в ту сторону, где в утренней дымке маячила опора ЛЭП, оплетенная ветвями мертвого дерева.

Вскоре услышал шаги. Туман начал рассеиваться, видно стало лучше, и впереди возникли силуэты. Трое. Они меня тоже увидели и почти мгновенно исчезли из виду. Залегли хлопцы, молодцом, реакция есть. Я шел дальше, как ни в чем не бывало, и даже принялся насвистывать какую-то ерунду, но потом решил, что это уже перебор, и замолк.

– Стоять! – оклик донесся справа. Ага, парни расползлись, пока я соловья изображал. Сделав еще пару шагов, остановился. Впереди, справа и слева одновременно появились трое – до того они лежали, целясь в меня, а теперь выпрямились. Так, Рыба передо мной, Серый с Шутером слева и справа. Насторожены, пальцы на спусковых крючках. У Рыбы такой вид, будто собирается прямо сейчас отправить меня на дно болота.

– О, привет! – подал голос я. – Тоже охотитесь?

– А ты, значит, охотишься? – уточнил Шутер.

– Ну да. Во! – я повернулся, чтоб он увидел выдру. – А что еще в этих местах можно делать?

Рыба оглядел меня тусклыми безжизненными глазами и велел:

– Ствол положи.

Пожав плечами, я бросил выдру на землю, стянул с плеча ремешок «вала», отстегнул от ремня «махновку». В это время все трое медленно приближались ко мне.

– Слушайте, парни, почва тут – сплошная вода, не хочу в нее свое оружие класть, – я притопнул ногой, громко хлопнув жижей. – Смотрите, разряжаю.

Медленно вытащил магазин из «вала», сунул его в карман.

– Вот так, теперь просто мои стволы возьмите, и все путем.

– Берите, – кивнул Рыба.

Шутер забрал «махновку», Серый – «вал». Я спросил:

– А выдру можно подобрать?

– Подыми.

Я снова взвалил добычу на плечо и широко улыбнулся:

– Ну, куда теперь?

– За мной. – Он развернулся и зашагал обратно, остальные двое пошли по сторонам от меня.

– Слушай, охотник, – заговорил Шутер, – а зачем тебе выдра? Я слышал, они ж твари бессмысленные совсем. С нее никакого толку.

– Почему же, есть толк, – возразил я, вовсю изображая добродушного малого. – Стал бы я без толку мутанта промышлять.

– Да какой толк? Я ж видел: шкура у них, если снять, сохнет, становится ломкой, а потом вообще рвется.

Серый поддержал его:

– Это точно, ее не на что непустишь. И мясо у выдр ядовитое.

– А жир? – возмущился я. – Не слышали про жир болотной выдры, а туда же, критикуете! Жир у нее отменный.

– Ну и зачем он, такой отменный?

– Зачем-зачем... Горючее это.

– В тачку, что ли, заливать? – поразился Шутер.

– Сам ты тачка! Для костра. Жир твердеет на воздухе. Нарезаешь его такими брусками, пока он вроде желе, а потом в бумагу заворачиваешь и в рюкзак, ну или куда еще. Жир этот, короче, как сухой спирт, только лучше.

Я покосился на него. Шутер слушал, приоткрыв рот.

– Эх ты, деревня! – снисходительно добавил я. – Вот так-то: век живи – век учишь. Два века живи – два учишь. Жизнь живи – всю жизнь учишь. Короче, на болоте если ночь застала, хвороста нету или он совсем уж мокрый и не горит, то выдру валишь, жир нарезаешь, ждешь пару часов и потом топишь. Горит он долго. Это первое, а второе – когти ее.

– Когти растолочь, – бросил Рыба, не оглядываясь. – В мази добавляют.

– Вот, правильно, – кивнул я. – Напарник ваш, гляжу, больше знает. А куда вы меня ведете вообще, а?

– А вот сюда, – ответил Шутер и показал вперед. – Уже пришли.

В лагере у подножия вышки меня встретили холодно. Обыскали, забрали все мало-мальски ценное, заставили снять куртку, расстелили ее у кострища и положили на нее все мое добро.

Перед тем как идти за выдрой, я обмотал левитирующий «оникс» бинтом и привязал к правой лодыжке под штаниной. Штаны на мне были широкие, я вообще уважаю только свободную, мешковатую одежду, чтоб не стесняла движения. В общем, «оникс» было не видно, и это хорошо, потому что уверен: если бы его нашли – остался бы я без «оникса». Слишком ценный арт, Зверобой бы его забрал себе. Повязка на лодыжке – не ахти какой тайник, потому что туда иногда пристегивают нож или кобуру с небольшим пистолетом, и при серьезном обыске арт бы нашли. Но всерьез меня никто не обыскал, как-то не ожидают особого хитроумно припрятанного оружия от простодушного болотного охотника. На это я и рассчитывал.

На моей левой лодыжке была вторая повязка, и под ней – пузырек с тоником. Дневник Травника спрятать было негде, поэтому его я просто бросил на дно рюкзака. Всякую бумагу охотники да старатели с собой носят часто: для самокруток, на растопку или для других, понятных целей. Решив, что дневник особого внимания не привлечет, я просто сунул его на дно рюкзака... И действительно – шманая рюкзак, никто не обратил внимания на рваную тетрадку. А вот кулон-ключ Миши мог вызвать нездоровый интерес и поэтому был спрятан надежнее всего остального, в тайнике гораздо более хитром, чем повязка на ноге. Тайник этот находился в моем ремне – кармашек с обратной стороны, с прорезью, закрытой «молнией» и скрытой под узким кожаным клапаном. В общем, если только ремень не отберут, за кулон можно не опасаться.

Я поймал взгляд пленницы. Она сидела все в той же позе, обхватив себя за колени, завернувшись в плащ, и недоверчиво смотрела на меня исподлобья.

– Ну? – Зверобой перебрал лежащие на моей куртке вещи. – Кто такой?

– Охотник, – сказал я. – Стасом звать.

Главарь бандитов окинул меня тяжелым, недоверчивым взглядом и, кажется, собрался

задать следующий вопрос, но его перебил Фара:

– Часто в этих местах промышляешь?

– Постоянно. Жир гоню и в поселки окрестные сдаю. То есть меняю – на еду, патроны.

На всякое. Когти еще, ну и на змея вот тоже охочусь...

– А со змеями что делают? – скривился Шутер. – Неужели едят?

– А то! Это ж тебе не выдра, почему б и не есть змея?

– На выдр, значит, охотишься, – повторил Зверобой с неопределенным выражением.

Фара подошел ко мне ближе, пригляделся.

– Нет, я тебя раньше не видел. Давно ты здесь?

– Давно, ага.

– А живешь-то где вообще?

– Нигде конкретно. – Я кивнул на опору. – Иногда вот под ней останавливаюсь, где вы сейчас. Мою стоянку, можно сказать, заняли. А иногда в болоте ночую. Или в Гниловке той же.

– Аж до Гниловки ходишь? – заинтересовался Фара. – Это хорошо.

– То есть ты знаешь болота? – уточнил подошедший к нам Кузьма.

– Ха! – я поднял пятерню, показав им растопыренные пальцы. – Как свои пять знаю.

Все тропки здесь переходил-перенюхал.

Зверобой с Фарой переглянулись. По тяжелому лицу бандита ни о чем невозможно было догадаться. Я впервые видел вблизи и при нормальном освещении убийцу Миши, вчера сверху лица было особо не разглядеть. Мужик в районе сорока, черная щетина, глаза темные, лицо – малоподвижное и какое-то серое. И взгляд мрачный, недобрый, причем так он, кажется, смотрел не только на меня, а на весь окружающий мир.

– А вы куда вообще направляетесь, хлопцы? – заговорил я, оглядываясь. – Смотрю, форма на вас такая... Хотя не на всех.

– Тебе до нашей формы дела не должно быть, понял? – сразу напрягся Фара.

– Да ладно, ладно. Мне и правда дела нет. Так что, может, вы меня отпустите? И разойдемся своими тропками-дорожками.

– Много за жир патронов дают? – спросил Зверобой.

– За тот, что из этой дуры вытоплю, – я пнул лежащего под ногами мутанта, – с десяток для «махновки» получу и еще, может, спичек.

– Не густо.

Я поймал взгляд Рыбы, который вдруг уставился на меня. В прозрачных глазах его что-то появилось, какое-то чувство... узнавание, что ли? Под ложечкой засосало. Да нет же, не может он меня узнать! Бандиты не видели непрошеного ночного гостя вблизи, и лица в темноте никак не могли разглядеть. Тогда с чего он вдруг насторожился? Хотя Рыба так ничего и не сказал – просто глядел на меня, и все.

– Хочешь подзаработать? – прямо спросил Фара.

Зверобой, скривив губы, кинул на него быстрый взгляд – он явно привык сам вести подобные разговоры.

– Смотря на чем, – ответил я осторожно.

– Нужно провести нас через болото. На другую сторону.

– И зачем?

– Не твое мутантское дело. Сколько возьмешь за такую работу?

Я хитро улыбнулся:

– Хорошим людям за хорошие деньги ничего не жалко. Давайте пятьдесят патронов двадцатого калибра, половину с дробью, половину обычных. Это мне для «махновки». Если таких патронов нету, то могу взять рубли, но лучше золотом, чтобы... Ай, ай, ты чего?!

Зверобой стоял передо мной, подняв пистолет, какой-то «Иж», кажется, – трудно разобрать детали и понять точно, что за модель, когда ствол смотрит прямоком тебе в лоб.

– Поведешь нас через болото. Получишь за это пятьдесят рублей.

Я изобразил разом удивление, обиду и страх:

– Ну, если ты так ведешь разговор... Ладно, проведу за полтинник. Четвертак – авансом. Слушайте, а выдру эту на жир топить будем? Она ж тоже денег стоит.

– Мы спешим, охотник, – сказал Фара. – Не до выдр нам.

– Вам не до выдр, а мне-то – до выдр, э? Тогда ее компенсировать мне на-а... – Я не договорил, потому что Зверобой, взмахнув рукой, врезал мне рукоятью пистолета по уху. Едва не упав, я переступил с ноги на ногу.

И поклялся себе, что убью его собственноручно, причем так, чтобы видеть, как уходит жизнь из этих темных глаз.

– Не возражать! – процедил бандит. – Выдру – бросить. Тебе за работу пятьдесят. Без аванса. Завтракаем на ходу. Всё, в путь!

С этими словами он отвернулся от меня. Я стоял с обиженной мордой, держась за ухо, но ликуя в душе. Вот так, вы у меня на крючке!

Когда Зверобой шагнул к палатке, я поймал взгляд пленной женщины. Внимательный и настороженный взгляд.

Глава десятая Калуга. Встреча на болоте

Если бы я действительно знал болото так, как говорил, все было бы ничего, однако мы с Михаилом бывали здесь нечасто и местность я изучил не слишком хорошо. Из-за этого приходилось быть вдвойне осторожным: и чтобы не вляпаться куда не надо, и чтоб не выдать себе перед теми, кого взялся вести.

Вооружившись палкой, я шел впереди отряда. И буквально физически ощущал тяжелый взгляд Зверобоя, который иногда устремлялся мне в спину. Ясно было: он не доверяет болотному проводнику Стасу. И никогда не будет доверять.

Еще опасения вызывал Рыба. Почему-то он, в какой-то момент насторожившись, стал относиться ко мне с агрессивной подозрительностью. Бандит с мертвыми глазами даже оживился немного, на снулом лице его появилось подобие чувств, теперь он постоянно наблюдал за мной, как будто пытаюсь поймать на лжи или лукавстве. А я все не мог понять, что же его насторожило. Ведь не мог он узнать ни моего лица, ни голоса! В чем же дело? Это было совсем непонятно.

Потыкав палкой перед собой, я осторожно шагнул на мягкую кочку, с нее на другую, перепрыгнул на участок почти сухой земли и, приподнявшись на цыпочках, поглядел вперед. Туман немного рассеялся, но дальше метров пятнадцати видно было все равно не очень. Я снова зашагал, кинул взгляд через плечо: отряд растянулся двумя длинными цепочками. Прямо за мной шел Шутер, потом Зверобой и Кузьма, за ними пленница по имени Аля, рядом Фара. Он вообще далеко не отпускал ее от себя, все время старался держать рядом. Позади, немного по сторонам, шагали Серый с Томатом, за ними Рыба, Боров и замыкал шествие молчаливый Павлуша. Верной дорогой идем, товарищи. Меня звать Сусанин, и я – ваш герой.

– Эй, Стас! – негромко позвал Фара, перешагивая через ствол упавшего дерева. – Долго мы уже идем. Далек до Гниловки?

– Что с того, что долго, – пожал я плечами. – Далек еще, да. Это же болота, здесь все расстояния в пять раз больше становятся.

– До вечера хоть туда попадем?

– Попадем, но надо будет сделать небольшой привал. Жрать уже и сейчас охота, скоро вообще брюхо подожмет. А в болоте на ходу не едят. Дойдем до более-менее сухого и твердого места, встанем на часок, потом дальше.

– А что, есть тут такие, сухие и твердые? – с любопытством спросил Шутер.

– Попадают, хотя редко. После привала – напрямик к Гниловке. В ней заночуем.

– А от нее до края болота сколько? – заговорил Зверобой.

– Час, максимум два. Рано с утра подъем, когда только рассветет, и быстро дойдем. Это не проблема, но вот сейчас, скоро уже, самая топь начнется. Вот она и есть проблема. Поэтому... – Я остановился, поглядел назад и повысил голос: – Всем идти ровно! Эй ты, там! Здоровый!

– Ну? – прогудел Боров.

– В сторону не отходить, говорю! Идти двумя рядами за мной. Что не ясно?

– Да ясно, ясно.

Я пошел дальше. Болото тянулось и тянулось: серо-зеленое, бледное, туманное, казавшееся безжизненным. Но это лишь с виду, а на деле... То булькнет невдалеке, то ухнет в тумане, пузыри по поверхности побегут, зашевелится растущая из воды трава. Что-то там прячется в глубине, шевелится, плавает, спит и жрет. Болота живут своей тайной жизни, но нас эта жизнь пока не трогает, что хорошо.

Трижды обходили аномалии. Один раз это был «газовый карман», булькающее желтоватое озерцо, еще на подходе к которому запахло аммиаком, и дважды – незнакомые образования, похожие на облака голубоватой кристаллической ваты, плавающие на поверхности воды. Одно было поменьше, размером с взрослого горбуна, а второе – как легковой автомобиль. Облака лежали густыми пенными шапками, посверкивая мириадами вспышек, вокруг аномалий расходились концентрические круги искажения. Будто мелкая круговая рябь на поверхности воды, но тут рябило само пространство.

– Что это?! – взволновался Шутер, когда мы увидели незнакомую аномалию.

Я понятия не имел, как ответить на его вопрос, но по воцарившемуся сзади молчанию понял, что ответа ждут все, и брякнул первое, что пришло в голову:

– «Туча».

– Как? – переспросил Фара. – «Туча»?

– Ага, так назвали. «Болотная туча». Видите же, на облако смахивает.

– Про такую аномалию не слышал, – сказал Зверобой.

– Потому что они появились недавно. Главное, никто не знает, чем опасны.

– Это как это? – удивился Шутер.

– А вот это так это. Думаешь, кто-то рискнул подойти близко? Смотри, какие колебания вокруг этой штуки, мелкие так...

– Да, вижу я, вижу! Но что это колеблется? И ничего не страшно с виду!

– Молодец, зоркий, раз видишь. Только глупый, раз не боишься.

– Шутер, алё! – позвал сзади Серый. – Сходи туда, потом расскажешь.

– Сам иди!

– Нет, я не пойду. У меня аллергия на аномалии.

– А у меня аллергия на дураков.

– Вот я тебе щас по кумполу дам, – обиделся Серый, – и увидим, кто дурак, а кто...

– Замолчали оба, – приказал Фара. – Так я не понял, Стас, какое действие у этой «тучи», что, вообще неизвестно?

– Не-а, – сказал я. – Никто не проверял, неохота никому рисковать. Но если рядом сильно шумят, «туча» вроде как начинает расти. Поэтому тихо теперь, хватит болтать.

После такого заявления все надолго замолчали, избавив меня от необходимости выкручиваться, скрывая свое неведение, и, когда впереди засветилась вторая «туча», побольше, никто уже не комментировал, не шутил и вопросов не задавал.

Потом Шутер нагнал меня, пошел рядом. Он был на голову ниже и, кажется, постарше, хотя из-за невысокого роста и суетливой юркости производил впечатление молодого парня.

– Ты насчет болота хорошо сечешь, а Стас? – заговорил он.

– Неплохо, – сдержанно ответил я, но вспомнил, что должен изображать более общительного человека, раз с самого начала взял на себя такую роль, и добавил: – Я здесь с год уже кручусь, все успел изучить. А вы вообще откуда пришли?

Шутер, быстро оглянувшись, пробормотал:

– Да так, издалека... Э, Стас, слушай, а что это там – кричит кто-то вроде?

– Стоять! – я вскинул руку.

Все остановились. До сих пор мы шли по относительно безопасной части болота, но впереди начинались более труднопроходимые места. Там поблескивала темная вода, усеянная островками рыже-зеленой травы. Чтобы двигаться дальше, нужно прыгать с одного на другой, и при этом рискуешь, что один из островков окажется сплавной или, как их еще называют, зыбуном – крепким с виду островком мха и прочей растительности, под которым вода. Разойдется все это дело под ногами, и провалишься с головой.

Я прислушался.

– Мутантом буду – кричит кто-то, – сказал Шутер. – Только непонятно как-то, не разберу. Поет он, что ли?

– Кто это может в болоте петь? – не поверил сзади Серый.

– Заткнуться! – велел я и снова прислушался.

В тишине спереди доносился голос, который то ли кричал, то ли пел.

– Это что такое, а, Стас? – не успокаивался Шутер. – Кто это в болоте у тебя песни распевает?

– Так, слушать меня! – я повернулся. – Мы с Шутером идем на разведку. Как отойдем метров на пятнадцать, за нами пойдут Кузьма... Нет, Кузьма у вас ранен. Пойдет Серый и Рыба. Будете нас прикрывать и контролировать. Ясно?

Серый вопросительно поглядел на своего командира, тот кивнул.

– Рыба, выполняй, – сказал Зверобой.

Я добавил:

– Идите осторожно. Даже если ставите ногу на твердую с виду землю, все равно аккуратно. Сначала надавить, потом переносить на ногу вес тела. Вы меня слушаете или нет? Бритый, ты слушаешь?

– Да слушаю я, – ответил Серый. – Все ясно, пошли.

– Не «пошли», а делай, как я сказал. Ступишь на зыбун – тебе будет плохо, не мне. Остальные пока ждут тут. Когда увидим, кто там шумит, я пришлю одного человека назад с сообщением.

Спустя минуту я тихо сказал идущему рядом Шутеру:

– Слушай, ты легче шагай, нежнее, а то плюхаешь, как бегемот.

– Да я стараюсь, – ответил он. – Но у меня ж нет такого опыта, как у тебя. Да что ж там такое, а? Ты послушай, правда ведь поет кто-то!

Пение доносилось все громче. В какой-то момент оно стихло, но, когда мы прошли еще немного, зазвучало опять. В тишине болота мужской голос весело и слегка безумно орал в ритме бодрого блюза:

– А я к торговцу спешу... А в рюкзаке моем товар... Меня сегодня ожидает фантастический навар... Но дверь никто не открывает... И, э... как же там дальше? – Он помолчал. – Заперта на засов... Неподалеку наблюдаю стаю бешеных псов... Я в победе уверен, от собак отобьюсь, ведь это, братцы, натуральный сталкерский блюз!!!

Хлюпнуло, и голос смолк. Мы с Шутером недоуменно переглянулись. Рыба с Серым маячили сзади, я поднял руку, показывая им, чтоб оставались на месте, и пошел дальше.

Вскоре взгляду открылась лужа, посреди был островок, а на самом деле – зыбун, про который я говорил спутникам. Посреди зыбуна, из лужи поменьше, торчала голова.

Я понял ситуацию так, что человек шагнул туда – и провалился. Голова была измазана грязью, волосы слиплись, посреди черного лица посверкивали белки глаз. Лицо, кстати, было щекастым, с округлым подбородком и вообще, кажется, принадлежало человеку не худенькому. Не замечая нас, человек этот распевал:

– Вчера какой-то иностранец, реальный джентльмен, пытался мне начистить морду в кабаке «500 рентген»... Не знал тогда еще бедняга, он связался не с тем... Ему поставлю пять фингалов и создам кучу проблем... Всегда готов начистить рыло, а потом я напьюсь! Ведь это, братцы-мутанты, сталкерский блюз!

Голова смолкла и принялась двигать челюстью, будто что-то жевала.

Вряд ли все это было какой-то хитроумной ловушкой, но я не спешил подходить ближе, решив сначала получше оглядеться. Шутер, не выдержав, окликнул: «Эй, мужик!» – и, прежде чем я успел его остановить, шагнул вперед.

Песня смолкла.

– Мужик, ты зачем там сидишь? – спросил маленький дезертир, подходя к луже.

– А-а-а! – заорала голова. – Люди! Как я вас ждал, чтоб вы только знали!

– Именно нас? – уточнил я, тоже приближаясь. Внимательно оглядел окрестности – вокруг ничего подозрительного – и снова поднял руку, показывая идущим сзади, что можно подтягиваться.

– Не, ну не конкретно вас, чувачелло, а хоть кого-нибудь, кто б меня отсюда вытащил. Ты посмотри, вон слева дерево. Оно подгнившее, сломать легко, веток почти нет, даже и срезать ничего не надо. Программа, значит, такая: вы мне протягиваете это деревцо... дерево помощи то есть протягиваете – и я выскакиваю, как родной.

Из-под грязи выпросталась залепленная черным рука и помахала нам.

– Шутер – возвращайся, – велел я, когда Серый с Рыбой остановились возле лужи. – Опиши ситуацию, скажи, что могут идти сюда.

Он поспешил назад, а голова снова заговорила:

– Да вас много, гляжу. А что это вы тут делаете?

– А ты что тут делаешь? Грязевые ванны полезны для здоровья, но пиявки замучают.

Серый с Рыбой настороженно молчали, рассматривая говорливую голову.

– Так стою, видите... – поведала она.

– Давно стоишь?

– Ох, давно уже! Провалился, понимаешь... А тут то ли коряга задубевшая, то ли камень большой в иле, не разберу. Короче, я в это дело уперся ногами и стою. Устал уже стоять. Скоро не смогу, лечь придется – и поминай, как звали.

– А как звали? – уточнил я.

– Так Калугой меня кличут.

– Калуга, ты кто вообще такой? – влез в разговор Серый.

– Так охотник, а кто ж еще?

– И на кого охотишься? Тоже на выдр?

– Не-е, – голова помоталась из стороны в сторону. – У меня от их запаха изжога жуткая. Я однорогов промышляю, еще болотных рысей иногда.

Голова принялась рассказывать о себе, и вскоре выяснилось, что затянутый болотом человек был как раз тем, кем я представился Зверобойю и Фаре. С той только разницей, что специализировался Калуга на болотных рысях, опасных, к слову, зверях. Если он действительно регулярно охотился на них и до сих пор жив, то это многое говорило о его умениях.

Когда подошли остальные, я коротко обрисовал ситуацию. Калуга слушал наш разговор, широко раскрыв свои выпуклые, как у болотной выдры, глаза и часто кивая.

– Надо его вытащить, – заключил я. – Боров, сломай то дерево.

– Стой, – сказал Зверобой, и здоровяк, шагнувший было в сторону, остановился. – Зачем вытаскивать?

– Как это зачем? – удивился Калуга из болота. – Ради оказания помощи ближнему своему.

– Ты нам не ближний.

– Ну так и дальнему, дальнему своему тоже ведь помощь надо оказывать! Про заповеди слышал, брат? Божьи заповеди, а? Что засеешь, то и пожнешь. Не бросай в другого камень, он в тебя попадет. Как повернется, так и обернется. Ударили по щеке – бей в ответ. Понимать же надо! Эти заповеди людям даны, чтоб мы жили в согласии и взаимопомощи...

– А есть еще десятая заповедь: не болтай, а то застрелят, – перебил я.

– Вот, вот! – закивал Калуга. – Правильно, хватит болтать, вытащите меня отсюда побыстрее.

Фара вопросительно посмотрел на Зверобоя, и тот сказал:

– Он нам не нужен, идем дальше. Стас, веди.

– Э, чувачеллы! – всерьез забеспокоился охотник, но замолчал, когда Зверобой поднял пистолет и прицелился в него. Кажется, он действительно собрался выстрелить пленнику болот в лицо, и я сказал:

– Нет, подожди.

– Почему? – главарь бандитов холодно посмотрел на меня.

– Неизвестно, кого в этих местах может привлечь выстрел. Лишний раз в болоте лучше шум не поднимать.

Когда Зверобой нехотя опустил оружие, я снова обратился к Калуге:

– Так ты болотный охотник. Опытный?

– Опытный?! Тринадцать мутантов тебе в задницу, да я бог болот!

– Если так, то почему в топь затянуло?

– Да это все из-за тех... В Гниловке которые.

– Кто в Гниловке? – сразу насторожился Фара.

– Люди там какие-то засели, а я в ней переночевать собирался, – зачастил Калуга, смекнув, что завладел вниманием слушателей и получил шанс на спасение. – Подошел к ней, а там эти сидят... И давай стрелять сразу. Пришлось уходить. Ну, так уходить, что аж убежать. Ночью почти не спал из-за этого, просидел на островке. Тут же – если заснешь, то можешь не проснуться, особенно в одиночку. Выдры на спящих нападают. Из-за этого сегодня совсем квелый был, сонный и, когда шел, проглядел плавину.

– Что за люди в Гниловке? – спросил Зверобой.

– Не знаю. Я ж так, издалека только видел... Но вообще-то на возрожденцев похожи. Одеты вот, как некоторые из вас. И много их там.

– Это может быть отряд, посланный Шульгиным, – негромко сказал командир дезертиров. – Плохо.

– Плохо, – вклинился я, – потому, что мы в Гниловке собирались ночевать. А теперь как?

– А теперь ночью будем идти, – пожал плечами Фара.

– Ночью вести вас по болоту я не рискну. Короче, вот что скажу: этого мужика надо вытащить. Потому что если он и правда охотник, а судя по всему, так и есть, то знает места не хуже меня. Второй проводник не помешает.

– Зачем он нам?

– Запас проводников чтоб был, вот зачем. Я ж так понял, что у вас уже был один, но с ним что-то случилось. Правильно?

– Шутер тебе это рассказал? Болтливый он слишком.

– Нет, случайно услышал из вашего разговора, еще утром, на стоянке, когда только выходили. Так вот я к чему: а если со мной что-то случится?

– Если ты сбежать надумал... – Фара поднял большой кулак.

– Сбежать? Я свой полтинник хочу получить. Не в том дело, тут логика простая: на болоте может произойти все что угодно, и два проводника лучше одного.

– Да ты просто хочешь, чтоб мы его вытащили, вот и все. Хотя... Нет, вообще-то ладно, логика есть. Может, он нам и пригодится.

Голова в болоте наострила уши, пытаясь понять, о чем мы говорим. Фара посмотрел на Зверобоя. Тот размышлял, хмуро уставившись себе под ноги, потом громко произнес:

– Ты, там! Либо оставляем тебя здесь, либо вытаскиваем. Тогда помогаешь вот этому вести отряд дальше. Нам нужно выйти с другой стороны болот. Оплаты не будет, только жратва. Доведешь – свободен.

– Лады, чувачелло! – заголосил Калуга, которому явно уже до смерти надоело торчать в трясине. – Согласен! Я, правда, весь в грязюке, мне бы обсушиться, костерок бы...

– По дороге обсушишься.

– Не вопрос, но я и без ствола, утонул он!

– Ствол дадим. На время.

– О, вообще сила! Тащите меня уже быстрее!

Зверобой кивнул Борову, и тот зашагал к деревцу.

На то, чтобы извлечь Калугу из болота, потребовались пять минут совместных усилий здоровяка, Шутера и Серого. Грязь с неохотным чавканьем выпустила дородное тело, явив нашим взорам парня среднего роста, круглолицего и круглобокого. Глаза у Калуги от природы были несколько вылупленные, и поэтому он казался постоянно удивленным.

– Колобок, – проворчал Боров, отбрасывая ствол дерева. – Почему Калуга? Колобок натуральный!

– Калуга – потому что из Калуги я, – пояснил охотник, расстегивая потяжелевшую от грязи куртку. – В эти места к шурина приехал как раз перед тем, как все началось, и остался в результате. Ну, парни, благодарю, в общем, за спасение на водах. А тебе – персональное наше с кисточкой, как организатору всего мероприятия.

Он через голову стянул рубаху, бросил ее вслед за курткой на землю и шагнул ко мне, раскрыв объятия.

– Э, не-не! – я посторонился. – Я с грязными мужчинами не обнимаюсь. Помоешься – тогда лезь, хотя лучше и тогда не надо.

– Ну ладно, дай хоть лапу пожму, – Калуга схватил меня за руку и горячо потряс ее. Посмотрел на остальных: – Ну, чувачеллы, я понимаю, вы спешите, так что даже времени на обсушиться не будет? Тогда я только одежду выжму – и сразу идем, лады?